№ 55 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ФЕВРАЛЬ 1958 г.	DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE P. O. Box 54, Cooper Station New York 3, N. Y.	34-й год издания

ДВА ЛАГЕРЯ

Некто В. Поздняков в статье о Жукове и красной армии, напечатанной в "Н.Р.С." (16 дек. 1957 г.), авторитетно утверждает, что мир разделился на два лагеря — свободный и коммунистический. Если бы так говорил только Поздняков, — не стоило бы, пожалуй, на это обращать внимания. Но так говорят очень многие. Об этом можно прочесть чуть-ли не ежедневно в том или ином печатном органе. Приходится, поэтому, паки и паки заявить: ни лагеря коммунистического, ни лагеря свободного нигде нет. Есть что угодно, только не это.

То, что мир разделился на два лагеря — совершенно верно, но оба эти лагеря капиталистические: один частный (капитализм), другой — государственный. Который из них лучше — вопрос особый, но во всяком случае вещи следует называть их настоящими именами. Нельзя белое выдавать за черное.

Если бы мир, в самом деле, был разделен на коммунистический и свободный, то оставалось бы лишь поблагодарить судьбу за то, что мы живем в такое исключительное время, ибо коммунизм и свобода — высшие блага для человека. Нет ничего дороже свободы и нет ничего справедливее коммунизма. Все наше горе в том и заключается, что нигде нет ни коммунизма, ни свободы.

Именно — нигде этого нет. То, что называют коммунизмом или свободой — обман. Нищего нельзя считать свободным человеком, даже если, в самом деле, он может куда угодно идти. А где нет нищих? Частно-капиталистический строй немыслим без бедноты. Даже если теория Маркса об обнищании пролетариата и не оправдывается, то еще больше не оправдывается противоположная теория, гласящая, что в частно-капиталистическом строе все могут быть капиталистами. Никогда не станут все богатыми (не то, что Фордами, но хотя бы обладателями 10-ти тысячного ежегодного дохода). Всегда будут бедные, нуждающиеся. Следовательно, всегда будут не свободные, ибо, повторяем, человек, испытывающий в чем-либо нужду — не свободный человек. Идущий на работу или же ищущий ее — делает это не по доброй воле, а по **необходимости.** Если такого человека можно считать свободным, то и лошадь, на которую надели хомут и заставили везти поклажу, тоже можно считать

свободной.

Нужда прекратится только тогда, когда восторжествует коммунизм, настоящий коммунизм, а не суррогат; когда все будет принадлежать всем, а не частным лицам или же государству. Тогда, действительно, не будет нуждающихся. Тогда только и станут люди — все люди, а не маленькая горсточка — свободными. Следовательно, отделять коммунизм от свободы, т. е. утверждать, что мир разделился на два лагеря — коммунистический и свободный — такая же нелепость, как отделять теплоту от света. Как немыслимы солнечные лучи без тепла, так немыслим коммунизм без свободы, или же наоборот. Без свободы не может быть коммунизма, а без коммунизма не может быть свободы. Это следует запомнить раз и навсегда всем любителям щеголять такими понятиями, как коммунизм или свобода.

Делить мир можно на какие угодно лагеря, только не на свободный и коммунистический. Если где-либо, хотя бы на самой незначительной территории, восторжествует коммунизм, — там неизбежно будет и свобода. И, наоборот, если где либо будет свобода — настоящая, а не куцая — там неизбежно восторжествует и коммунизм.

В лагере, именуемом свободным, конечно, есть свобода. Отрицать это, значит, игнорировать действительность. Но кто пользуется этой свободой? Тот, у кого туго набит кошелек, а также тот, кто занимает высшие должности в государственном аппарате. Люди эти, действительно, свободные. Но таких свободных людей можно найти и в СССР. Быть может, не в таком большом количестве, но все же они есть. И там не все рабы. Само наличие рабов свидетельствует, что над ними кто-то есть свободный, ибо без этого "кто-то" рабы не могли бы быть рабами.

Существующая ныне свобода, таким образом, относительна. Одни пользуются ею, другие — нет. В одном случае количество пользующихся большее, в другом — меньшее. В этом, пожалуй, вся разница между двумя лагерями. В США количество свободных людей, несомненно, больше, чем в СССР, но все же и в США есть люди, свобода которых весьма и весьма ограничена. Фактически все те, кому ежедневно, чуть свет, приходится вставать и бежать на работу, свободны лишь номинально. Утверждение: "свободный рабочий" — фальшиво. Рабочий станет свободным лишь тогда, когда средства производства и производимые предметы будут принадлежать ему, т. е. всем рабочим, а не кому-то постороннему, быть может, никогда и не заглядывающему на фабрику. (Богатые предприниматели, как известно, значительную часть времени проводят вдали от своих предприятий.) Пока рабочий будет наемным, пока он будет получать не полный продукт труда, а лишь часть в виде заработной платы, его свобода будет оставаться за семью замками. В любой день ему могут сказать: "'сарры,' но тебе нет больше работы." Эти слова для рабочего равносильны удару обухом по голове. Как ни постыдна хозяйская работа, как ни тоскливо на душе при входе утром в фабричные ворота, но остаться без работы — еще хуже.

Таким боразом, свобода для рабочего, всецело зависящего от заработной платы — миф. Не свободен рабочий когда он находится на фабрике, не свободен он и тогда, когда не имеет работы.

Если о свободе в частно-капиталистическом строе можно говорить как о чем-то относительном (для одних — полная свобода, для других — свобода только на бумаге), то о коммунизме в СССР и вовсе не приходится говорить. Решительно никакого коммунизма в СССР нет. Там самый обыкновенный капитализм, только не частный, а государственный. Рабочие там имеют такое же отношение к фабрикам и фабричному инвентарю, как и в любой буржуазной стране. Даже крестьяне вовлечены там в горнило капитализма, ибо и они работают не на своей, а на чужой земле и за свой труд, как и фабричные рабочие, получают заработную плату.

Почему же, однако, идет борьба между Кремлем и Вашингтоном? Казалось бы, раз оба лагеря — капиталистические, то и жить они должны мирно. Действительно, они могли бы мирно жить. Разница в системах нисколько не препятствует их мирному сожительству. Но тут есть одна особенность, присущая любой власти, а той, у которой кружится голова от успехов — тем более. Особенность эта—спесь. Каждая власть — эгоистична, каждый властелен — самолюбив. На этой почве

всегда идет соперничество за обладание властью, на этой же почве идет соперничество между двумя или же несколькими властями.

И США и СССР (т. е. власти этих стран) подошли к барьеру, за которым открывается мировое господство. Стоит лишь сделать еще один шаг — и весь мир в руках! Из-за этого мирового господства, главным образом, и идет борьба. Идеологические вопросы почти никакой роли тут не играют. В Москве хорошо сознают, что если бы не Америка, они, большевики, владели бы всем миром. В Вашингтоне, в свою очередь, знают, что если бы не Москва — Вашингтон был бы вторым Римом. Значит... нужно подкапываться под соперника.

Апологеты, как с одной, так и с другой стороны, конечно, все это объясняют иначе. Наперебой доказывают, что борьба ведется за великие идеи, за хорошее дело. Сторонники частно-капиталистического строя утверждают, что они борются за свободу, а большевики доказывают, что они борются за освобождение трудящихся и за раскрепощение населения отсталых стран от ига колонизаторов. Все это—пыль в глаза. Ни за свободу, ни за раскрепощение трудящихся никто не борется. Для того, чтобы бороться за эти высокие идеалы — их нужно прежде всего осуществить у себя. Какого раскрепощения трудящихся можно ожидать от большевиков, если в тех странах, где они, большевики, у власти, трудящиеся закабалены с ног до головы? Какой свободы можно ждать от частно-капиталистического строя, если вся свобода в этом строе базируется на собственности? (Кто владеет многим, у того и свободы много; кто владеет немногим, у того и свободы немного; кто ничем не владеет, у того и свободы нет.)

Нет, не проводникам частного или же государственного капитализма говорить о возвышенных идеях...

Капитализм (неважно какой формации) не сочетается с такими понятиями, как свобода, правда, справедливость и т. д. Капитализм (опять таки неважно какой формы) основан на эксплоатации; а где эксплоатация, там свобода однобокая: те, которые эксплоатируют, свободны, но те, которых эксплоатируют, очень далеки от свободы.

Не может быть и справедливости там, где эксплоатация. Вообще, и большевикам, и их противникам из частно-капиталистического лагеря, прежде чем врачевать кого-то, следует самим исцелиться от всех болезней и недугов. Еще Христос сказал, что бросить в грешника камень может только тот, кто сам без греха.

Возможно, что капитализм на заре своего существования и был прогрессивным явлением. Тогда общество почти повсеместно делилось на патрициев и париев. Одни обладали всеми правами, а у других решительно никаких прав не было. Поэтому выдвинутый буржуазией лозунг: "равенство перед законом," несомненно, был шагом вперед. Все становились как будто равными. Ни господ, ни холопов. С течением времени, однако, капитализм успел так же глубоко избороздить общество, как и его предшественники — феодалы. Только деление пошло не по родословной, а по весу кошелька. У кого казна — у того все, а кто без денег — тот забытый человек. Не устраняют этого деления (по весу кошелька) и большевики. То, что называется богатством, есть и в СССР. При государственном капитализме трудами рабочих создаются такие же ценности, как и при частном. Богатство растет, увеличивается, только пользуются этим богатством не те, кто его производит, т. е. население, а те, кто ничего не делает, а лишь руководит. Руководители обладают решительно всем, — и политическими правами, и материальными ценностями.

Вот это деление, — деление на пользующихся благами жизни и на лишенных этих благ, — пожалуй, важнее деления на государства и разные политические блоки — Восточные и Западные. Как ни обострены отношения между Кремлем и Вашингтоном, как ни отличается советский уклад жизни от американского, но верховодители, как одного так и другого блока, фактически находятся в одном стане, — в стане пользующихся благами жизни. По своему положению они — одного поля ягоды. Очень возможно, что в случае полного торжества Вашингтона, некоторым из нынешних советских вельмож пришлось бы плохо, но не всем, ибо многие из них сумели бы скоро приспособиться к новому укладу жизни. Возможно также, что в случае торжества Москвы некоторым нынешним американским толстосумам

пришлось бы плохо, но тоже не всем, ибо некоторые из них сумели бы переключиться на новые рельсы. Но положение тех, кто сейчас, как в СССР, так и в США, находится на последних ступенях общественной лестницы — а таких очень много — от этого нисколько не изменится. Они как были обездоленными — такими и останутся. Ни частный, ни государственный капитализм спасения им не принесет. Даже если допустить, что некоторые отдельные личности — выскочки — и сумеют улучшить свое положение, то и это не разрешает социальной проблемы, ибо выскочки, обычно, улучшают свое положение путем предательства и топтания сапожищами товарищей. Социальная же несправедливость от этого нисколько не изменяется. Парии капитализма — как частного, так и государственного — достигнут облегчения лишь тогда, когда никакого капитализма не будет.

Поэтому лицам, честно и безкорыстно отдающим свой труд на благо человечества, следует становиться не на сторону Запада или Востока, а вскрывать природу обеих сторон, указывать, что никто из конкурирующих спасения человечеству не несет. Следует также указывать, что главари Кремля и Вашингтона, размахивая атомными бомбами и спутниками, ставят на карту не свою жизнь, а жизнь широких слоев населения, а, возможно, и всего человечества. В случае войны правительства меньше всего страдают, ибо находятся в безопасном месте. Страдают главным образом те, кто войны не желает, не объявляет ее, но участвует в ней по принуждению. Не с песнями, а с горькими слезами молодые люди оставляют своих престарелых родителей, жен и детей и отправляются в армию (во время войны). Тоже не с песнями, а с душураздирающими рыданиями провожают остающиеся дома уходящих на войну. Это — первое доказательство того, как противна населению война. И с этой точки зрения, всякое бряцание оружием — неважно какое правительство этим занимается — подлежит осуждению. Если вашингтонские или же кремлевские заправилы и их подпевалы желают войны, то пусть сами идут воевать, а населения пусть не трогают. Нет такого права, которое позволяло бы отдельным личностям играть населением (а тем более — человечеством), как пешками.

Итак, человечество разделено на два лагеря, но деление проходит не столько между Москвой и Вашингтоном, сколько между патрициями и плебеями капитализма — частного или государственного.

Колокольцев

БЕЗСМЕРТНОЕ

ПУШКИН ДЕКАБРИСТАМ

(Сосланным в Сибирь)

В глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра —
Надежда в мрачном подземельи
Разбудит бодрость и веселье.
Прийдет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам подадут.

***

ОТВЕТ ДЕКАБРИСТОВ ПУШКИНУ

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли;
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.

Но будь спокоен, брат: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный путь не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей,
И радостно вздохнут народы.

АНАРХИЧЕСКАЯ СТИХИЯ В РЕВОЛЮЦИИ

Первая мировая война оказалась роковой для царского самодержавия. Россия вступила в нее плохо подготовленною: по 850 выстрелов на орудие, а у немцев — по 3.000; не хватало винтовок — "атаки приходилось отбивать почти голыми руками" (в. кн. Николай Николаевич); запасы артиллерийских патронов, считавшиеся достаточными на всю войну, расстреляли в первые же бои (ген. Верховский). Под Гусятиным наши потери — 54% наличного состава; Ревельский полк потерял 75% состава (ген. Головин); предприняли наступление, когда развернута была 1/3 вооруженных сил—"не кулаком, а пальцами бил" (он-же). "Начали войну с 5 млн. солдат, потеряли уже около 4 млн.; начали войну имея 6 тыс. полевых орудий, потеряли 2 тыс. полевых и 2 тыс. крепостных, потеряли веру в победу" (А. И. Гучков). "Симптомы разложения армии были заметны и чувствовались уже на второй год войны... в период 1915 и 1916 г.г.; в немецком плену около 2 млн. наших солдат; дезертиров — около полумиллиона человек... и без революции подписали бы Брест-Литовский мир — война все равно была проиграна..." (Родзянко).

Неудачная война расшатала устои самодержавия. Нагрянула революция. По утверждению большевистского историка М. Покровского, "низвергнуть царизм мог только пролетариат," предводительствуемый, конечно, Лениным и Ко..., в "феврале 1917 года роль деревни была совершенно второстепенной." Покровский ставит под сомнение революционность крестьян: подобный взгляд является "остатком бакунинской мысли, что каждый крестьянин — прирожденный социалист и прирожденный революционер." Все, мол, сделал пролетариат (его-то было к моменту революции менее 3-х миллионов), а крестьяне пришли на готовое, воспользовались благами революции. Но почему-то компартия все еще именует себя не только рабочим, но и крестьянским правительством, а другие источники противоречат утверждениям Покровского.

В. Чернов в "Рождении революционной России" пишет: "Не большевики, не меньшевики, не "рабочая группа" и не социалисты-революционеры, будь то порознь или сообща, вывели рабочих Петрогада на улицах, а **Некто,** более могущественный, чем они. Царь--Голод." Чернов поясняет, что за время войны значительная часть питерского коренного, вышколенного социалистами, пролетариата была мобилизована и погибла на войне (правительство, таким образом, избавилось от "бунтовщиков" в столице!), а эту убыль в рабочей силе пополнили "мелкие мещане, мелкие ремесленники, мелкие чиновники, приказчики, лавочники, дворники, прислуга и т. п." — народ в прошлом благонадежный, чуть ли не опора царского трона. Столица также была наводнена множеством призванных из деревень запасных и рекрутов, толпами беженцев-крестьян из оккупированных немцами местностей. Все это, вместе взятое, Чернов именует "анархически расплывчатым и недисциплинированным "охлосом" (толпою)... "Все хотели всего и притом немедленно..." У этой толпы преобладало "туманное представление о целом граде конфискаций и реквизиций, со сваливанием добытого от них в некий "общий котел," у которого будут накормлены все голодающие и пригреты все холодающие и бездомные."

Революция в Петрограде началась с бабьих бунтов: в булочных не хватало хлеба, кричали что хлеб скрывают спекулянты, громили хлебопекарни, избивали полицейских; шатавшиеся по городу запасные поддержали баб, казаки отказались усмирять бунт, восстание распространилось по всему городу, в столице не оказалось ни одной воинской части, готовой подавить голодный бунт. Революция "нашла себе штыки," без которых она была бы обречена на неудачу, как и в 1905 году. Главную роль в столичных бунтах сыграли пришедшие из деревни крестьяне-запасные солдаты и рекруты. Они еще не забыли розог, которыми их истязали в 1902 и 1905 годах при подавлении аграрных беспорядков.

"Для того, чтобы совершить успешную революцию, — пишет П. Кропоткин, — войску нужно противопоставить либо войско же, либо народ, — население целого города, сотни тысяч мужчин, женщин и детей, вышедших на улицу. Только они

могут победить — только они побеждали войска, лишая их бодрости духа, поражая их дикую силу. Все эти условия оказались налицо в 1917 году: переодетые в солдатские мундиры крестьяне, вместе со столичным населением, дали самодержавию реванш за свои прошлые поражения..."

Участник революции 1917 г. В. Б. Станкевич (трудовик) в "Воспоминаниях" указывает на анархичность этой революции, сразу же отвернувшейся от Государственной Думы, от игры в парламентаризм, — это прикрытие буржуазного господства над народными низами. "И естественно,— пишет В. Станкевич, — что наименее организованное и наименее требующее организованности оказалось наиболее по душе. Совет Робочих и Крестьянских Депутатов, это собрание полуграмотных солдат, оказался руководителем потому, что он ничего не требовал, потому что он был только фирмой, услужливо прикрывавшей полное **безначалие."** "Чувствовалось, — пишет он дальше, — что масса вообще никем не руководится, что она живет своими законами и ощущениями, которые не укладываются ни в одну идеологию, которые вообще против всякой идеологиии и организации, так как это по природе своей анархическая стихия."

Появление Временного Правительства не встретило сочувствия в народных низах. Когда он, Станкевич, обходил роту за ротой, агитируя за создание Вр. Правительства, его слова о необходимости правительства принимались довольно сухо... в аудитории чувствовался холодок. На с'езде юго-западного и румынского фронта "всякая регламентация воспринималась уже как стеснение. Даже избираемому комитету не хотели предоставить каких либо значительных функций, настаивая на том, чтобы дела решались "миром," т. е. сообща. По вопросу — нужен-ли России президент — большинством всех голосов против одного робкого офицерика с'езд решил, что Россия должна быть без президента"...

В. Чернов — сам участник Совета Р. и К. Д. — в эмиграции разочаровался в этом порождении революции: "она (идея Советов) была не чем иным, как позднейшею перелицовкою идеи романского анархо-синдикализма." Лучше других социалистов понял дух революции Ленин. Первое его публичное выступление по приезде в Петроград состоялось 4 апреля 1917 года. Ленин махнул рукою на парламентаризм, на буржуазную революцию, за которые он еще недавно ратовал в эмиграции. (Большевики принимали участие в выборах во вторую Гос. Думу, их фракция в 30 человек из 130 депутатов социалистов была обвинена в заговоре, попала в Сибирь.) Присутствоваший на этом митинге С. И. Либерман (см. его книгу "Дела и люди") рассказывает, что Ленин произнес речь в чисто анархистском духе, и "что некоторые старые большевики обвиняли его в анархистском уклоне, в желании занять пустующее кресло Бакунина и т. д." Приписывает Либерман Ленину будто повторенные им мысли Бакунына: "Быть революционером — это значит быть в меньшинстве и свою волю — волю меньшинства — навязать насильно большинству... Если ты друг народа, то поведи его против пушек, так как сам народ не знает, что хорошо и что плохо." "Для революционера — настоящее ничто, а будущее все."

Может быть Ленин и говорил в таком духе — эти мысли очень напоминают философское обоснование марксистской диктатуры пролетариата, которую и установил Ильич в СССР, но Бакунин, боровшийся против этой диктатуры, не мог проповедывать идеи, противоречащие анархизму, не признающему ни диктатуры, ни власти в какой бы то ни было форме, стесняющей свободу большинства или меньшинства.

Анархическое влияние сказывается и в декларации Временного Правительства: "в основу государственного управления оно полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти." Это были только пустые слова. На самом же деле Вр. Правительство Керенского восстановило на фронте смертную казнь и... розги, а окончательное разрешение земельного вопроса откладывало до Учредительного Собрания. Крестьяне недовольны, замечает социалист Игоев. "Опять ждать" (В. Чернов). Ильич устроил это дело проще, без надгробных речей над помещичьим землевладением в учредиловке.

Воинственность Керенского раздражала народные низы, они не хотели умирать ни за Временное Правительство, ни за Антанту. Убеждения "главноуговаривающего" перестали действовать на уговарива-

емых. Убежавший из Зимнего дворца Керенский не мог уже опереться на военную силу. У Гатчино слабой сборной боевой дружине большевиков он мог противопоставить отряд казаков генерала Краснова в 500 сабель, но не нашлось им на подмогу даже 100 штыков пехоты и казаки отказались драться за неудачливого вождя...

Из Зимнего дворца Керенского вытурили кронштадтские матросы, находившиеся под влиянием анархо-синдикалистов (Ярчук), которые потом разложили своею пропагандою казаков атамана Каледина, покончившего самоубийством. Эти же самые матросы, подозрительно относившиеся к большевикам, говорили между собою, что кронштадтские пушки достигнут и Петербурга, если большевики пойдут против вольных тогда еще Советов. Но Ильич удалился из Петербурга в более безопасную Москву, анархические силы революции были растрачены в гражданской междоусобице, и запоздалое (к сожалению, слишком запоздалое) кронштадтское восстание против большевиков потерпело неудачу.

Ленин не верил в устойчивость собственной власти — "просуществовать удастся, вероятно, три-четыре недели," а Троцкий собирался "хлопнуть дверью" (С. И. Либерман). Кошмарная диктатура (советский Термидор) затянулась на десятки лет. Она держится на чеке, на терроре, пожирает не только инакомыслящих, но и творцов Октября...

В разгар красного террора престарелый уже П. Кропоткин говорил Эмме Гольдман: "Не поддавайтесь их (большевиков) уверениям, что их жестокий террор и деспотизм нужны были для защиты революции... если бы массам позволили приложить их инициативу и творчество к делу реорганизации России, мы теперь не были бы обречены на разруху и смерть.. большевики неопытны в созидательной работе. Они политиканы, заинтересованные в закреплении своего политического государства..."

В 1920 году крестьяне уже владели 94,4 миллионами дес. земли — прирезка к их надельной земле в 21,4 млн. дес. — увеличение на 22,6%. Число индивидуальных хозяйств с 15-16 млн. до войны возросло до 24-25 млн. хозяйств. "Крестьяне стали есть досыта — перестали вести полуголодное существование," — пишет проф. С. Н. Прокопович (см. его книгу "Народное хозяйства СССР"). В 1928 г. валовая продукция хлеба достигла до-военной нормы — 5 миллиардов пудов, но вывоз за границу сократился раз в 20-ть, чем в довоенное время (Сталин). Крестьянское благополучие было разрушено сталинской фантастической индустриализацией и колхозной политикою.

Коллективизации деревни в 1932-1933 гг. предшествовало полное разорение крестьян продразверстками, реквизициями, непомерными налогами. Погибли десятки миллионов крестьян от голода, в концлагерях, на советской каторге. В колхозах они работают не на себя, а на компартию. Они поденщики у государства, вырабатывают "трудодни." Они прикреплены к колхозу, подобно барскому батраку. Они лишены прежнего надела и им позволяют пользоваться только клочком приусадебной земли.

Вторая мировая война не принесла избавления ни крестьянам, ни рабочим. Диктатура уцелела. Кровожадная, каннибалистическая политика Гитлера превратила пораженчески настроенные народные низы в оборонцев. Немцам был дан отпор, независимость СССР была спасена не без помощи Америки, западных стран, которые теперь трепещут от большевистских угроз.

Большевики еще больше обнаглели после благополучно окончившейся для них войны. Обирательство деревни усилилилось, чтобы "догнать и перегнать"... Вот один из примеров: в 1940 году сов. правительство платило крестьянам около 10 коп. за килограмм пшеницы, продавая пшеничную муку по 13 рублей за килограмм (проф. С. Прокопович). Не менее жестокой эксплуатации подвергаются и советские рабочие. В городах жилплощадь 4,2 кв. метра на жителя. "Эта площадь, — замечает С. Прокопович, — только в два раза больше площади той ямы, в которой хоронят покойника на кладбище."

Целина Хрущева не спасет. Крестьяне отрываются с насиженных мест, перебрасываются в Казахстан, в Сибирь, земля в Европейской России приходит в запустение, не хватает рабочих рук, у кочующего крестьянского населения нет заинтересованности в освоении целины для ненавистного ему государства и грандиозные пла-

ны терпят крах, ибо прогресс сельского хозяйства, по замечанию проф. Прокоповича, зависит от предприимчивости населения, его агрономических знаний, орудий производства и общей культуры. А все эти предпосылки как раз и отсутствуют в колхозной системе. Деревня в пренебрежении у сов. власти, объект эксплуатации — выжать из нее последние соки и дать ей — как можно меньше. Школ много, но они большей частью чисто-технические и назвать их рассадниками культуры никак нельзя. Машинизация сельского хозяйства осуществлена не в достаточных размерах (индустрия работает, главным образом, на войну), все еще преобладают примитивные способы, обработки земли. Курные избы дореволюционного времени, домостроительство в застое (построишь дом, а сельсовет заберет, пошлет владельца на целину), на дорогах непролазная грязь... Советская деревня настолько отстала, что ее бояться показать иностранцам — иностранные корреспонденты и эмигранты, имеющие там родственников туда не допускаются.

В Польше, в Югославии, отчасти в Румынии коммунисты немного поумнели, покончили с колхозами. В СССР пока потасовка на верхах: низвергаются с Олимпа последние творцы "Октября" — Молотов, Каганович, Маленков со всеми их присными. Студенческая молодежь не проявляет прежнего послушания вождям, интересуется запретным плодом анархизма, берет под сомнение догмы Маркса-Ленина. В Венгрии, в Польше народные низы бунтуют, ищут путей освобождения, и рано или поздно, снова восторжествует "анархическая стихия," вдохновлявшая нашу великую революцию 1917 года.

Скиф

КАЖДОМУ ПО ПОТРЕБНОСТЯМ...

(Отрывок из старой статьи)

Уничтожение системы заработной платы — один из лозунгов, общих анархистам и передовым социалистам. Но в действительности только анархисты имеют право на этот лозунг. В анархическом представлении общества все предметы первой необходимости будут доступны каждому без исключения, вроде того, как вода доступна всем в настоящее время. Защитники этой системы указывают, что она уже находит приложение в некоторых случаях: напр., бесплатное пользование дорогами, мостами, реками и т. д. Они говорят, что это можно распространить на трамваи, локальные поезда, и продолжают доказывать — как это делал Кропоткин — что продуктивность земли может быть увеличена до такой степени, что все обыденные продукты питания могут быть выдаваемы всем, кто их потребует. Если эту систему распространить на все необходимое в жизни, существование каждого индивида будет обеспечено безотносительно к тому, как он пожелает распоряжаться своим временем.

Что касается предметов, производство которых является до известной степени ограниченным, как например предметы роскоши, лакомства, то они тоже, по анархическому учению, будут распределены без платы равными частями между всем населением. Несомненно, хотя этого не говорят, что-нибудь подобно цене будет наложено на эти предметы, так что каждый может сделать свободный выбор и воспользоваться своей долей: один предпочтет хорошее вино, другой лучшие гаванские сигары, третий картины или хорошую обстановку. Предполагается, что каждый человек возьмет из предметов роскоши только то, что ему полагается и те предметы, которые он предпочитает, относительная ценность которых будет определена так, чтобы уравнять спрос.

В таком обществе, как это, экономические побудители совершенно исчезнут и если работа будет производиться, то по другим побуждениям. Возможна-ли такая система? Во-первых, возможно ли технически снабдить предметами первой необходимости всех и каждого в таком большом количестве, сколько каждый мужчина или женщина пожелает взять из общественного склада? Идея купли-платы настолько при-

вилась к нам, что предложение об уничтожении ее кажется сначала фантастическим. Однако я не хочу думать, что оно настолько фантастично, как кажется. Даже если бы мы все могли получить хлеб бесплатно, мы не потребляли бы его больше нужного количества. Как это мы знаем, стоимость хлеба для богатых так невелика пропорционально их доходу, что расход на него ими совершенно не ощущается. Однако они его не бросают куда попало.

Количество желаемой людьми пищи имеет свои натуральные границы и расточительность ее при этом не была бы особенно большой. Как указывают анархисты, люди в настоящее время пользуются неограниченным снабжением воды, и очень немногие оставляют краны незакрытыми после того как удовлетворена в ней потребность. Можно также предположить, что общественное мнение будет в оппозиции против излишней расточительности. Мы поэтому можем признать, я думаю, что принцип неограниченного снабжения может быть принят относительно всех предметов, которые могут быт произведены без особых затруднений.

Будет возможным, если производство хорошо организовать, удовлетворить таким образом не только обыденные необходимости, но и потребность в образовании. Даже если все оно, вплоть до самого высшего, будет всем доступно, молодые люди, пока их радикальным образом не изменит анархический режим, не будут хотеть его больше известного предела. То же семое верно относительно простой пищи, простой одежды и остальных предметов, которыми мы удовлетворяем наши элементарные нужды.

Я думаю, что мы можем заключить, что анархистский план свободного пользования технически возможен. Но будет ли необходимая работа сделана при условии, что существование индивида обеспечено, даже если он не работает? Большинство людей ответят на этот вопрос, долго не думая, отрицательно. Те хозяева, в особенности, у которых вошло в привычку порицать своих рабочих как банду лентяев и пропоиц, более чем уверены, что от рабочих нельзя ожидать никакой работы, кроме как под угрозой увольнения и неизбежного голода. Но разве это в самом деле так, как люди склонны предположить при первом взгляде на вещи?

Если работа останется такой, каковой в большинстве случаев она является теперь, нет никакого сомнения, что будет очень трудно заставить людей выполнять ее иначе, как под страхом голодовки. Нет, однако, никакого основания предполагать, что работа должна оставаться ужасной лямкой при возмутительных условиях, в которых она производится в настоящее время. Если бы людей прельщали работой вместо практикуемого загоняния на работу, то очевидно в интересах общества было-бы сделать работу приятной. До тех пор пока работа в общем неприятна, не может быть сказано, что достигнуто нечто подобное хорошему состоянию общества.

Возможно ли сделать работу приятной?

В настоящее время, лучше оплачиваемая работа, торгового и профессионального класса, в большинстве случаев привлекательна. Я не хочу сказать, что каждый отдельный момент ее приятен, но жизнь человека, который занят этого сорта работой, в общем счастливеие, нежели человека, который располагает равным доходом, не делая никакой работы. Известная сумма усилий и нечто вроде продолжающейся карьеры — необходимо для деятельных людей, если они хотят сохранить здравость ума и радость жизни.

Кроме получаемого удовлетворения от самой работы, желание заслужить хорошее мнение у соседей и чувство сознания своей значительности — совершенно достаточны для того, чтобы многих людей побудить к деятельности. Но нам скажут, что работа, которую человек изберет себе добровольно, должна быть всегда исключительной, большинство же необходимых работ останутся отталкивающими. Кто согласится, если бы для него была доступна более легкая жизнь, быть земледельческим рабочим или шахтером, или кочегаром на атлантическом пароходе?

Я думаю надо согласиться, что некоторые нужные работы будут всегда оставаться неприятными, и поэтому специальные привилегии должны быть назначены за их выполнение, иначе анархистская система будет хромать. Введение специальных привилегий совершенно верно, до некоторой степени, затенит теорию анархизма, но я думаю, что это не внесет важ-

ного нарушения в его систему. Большая часть работы может быть сделана приятной если к этому направить наши стремления и усилия. Даже теперь, только длинные часы делают работу противной. Если бы нормальные часы работы были уменьшены, скажем, до 4-х часов (а это возможно при лучшей организации и более научных методах)—очень многие работы, которые теперь чувствуются как бремя, перестали бы быть таковыми.

Если бы, как предполагает Кропоткин, земледельческую работу поставить на научный базис, то работа на земле, вместо утомительной, стала бы радостным источником здоровья и богатства для землепашца.

Что верно относительно земледелия, то еще в большей степени приложимо в промышленности. Если бы большие промышленные предприятия, которые управляются теперь капиталистами, не считающимися с тем, как живут рабочие, довольствующиеся тем, что им удается отвоевать с помощью организаций, — были бы постепенно обращены в самоуправляющиеся коммуны, в которых производитель мог бы разрешить все вопросы: способы производства, условия и часы работы и т. д., то в результате несомненно получилась бы перемена к лучшему. Грязь и шум почти могли бы быть устранены, непривлекательности фабричных районов мог бы быть придан красивый вид, интерес в научных улучшениях производства мог бы передаться всем производителям, обладающим природной сообразительностью и нечто в роде артистической, творческой радости могло бы воодушевлять всю работу.

Все это, являющееся в настоящее время далеким от действительнсти, может быть вызвано свободным экономическим самоуправлением. Очень вероятно, что таким путем девять десятых необходимой работы в мире можно было бы сделать безусловно приятной, так что работа предпочиталась бы безделию даже людьми, которым было бы обеспечено существование бесотносительно к тому — работают ли они или нет. Что касается остальной одной десятой неприятной работы, то мы можем допустить, что специальное вознаграждение — товарами, почестями или привилегиями — необходимо дать тем, которые согласятся выполнять ее. И это не может вызвать серьезных возражений.

Само собой понятно, что будет известное количество населения, которое предпочтет безделие. При условии если число нежелающих работать будет не велико — это обстоятельство не вызовет важных осложнений. В число неработающих могут быть включены артисты, писатели книг, люди занимающиеся отвлеченными вопросами, или короче говоря все те, которых общество при жизни презирает, а после их смерти — прославляет. Для таких людей возможность продолжения их соответственной работы безотносительно к тому — признает-ли общество ее полезной или нет, будет в высшей степени ценной.

Тот кто интересовался вопросом — какие из наших поэтов обладали собственными средствами — знает — сколько погибло неразвитых талантов, благодаря бедности, ибо было бы абсурдом предполагать, что богатые одарены природой большими поэтическими способностями. Свобода для таких людей, как мало ни было бы их, не может быть приравнена к расточительности заурядных бездельников.

Приведенные аргументы в защиту анархисткого плана общества, по нашему мнению, достаточно убеждают в его возможности и успешности.

Бертранд Россел

ПОДРАЖАНИЕ ЕСЕНИНУ

Милы мне отчие равнины,
А. Блоком петые плато,
Я эти русские картины
Не променяю ни на что.

И пусть Париж, Берлин и Вена
Кичатся хладной красотой;
Отрадней спать на стоге сена,
Чем быть в союзе с пустотой.

По мне, в гигантстве не отрада;
Из камня не люблю края.
Мне иноземного не надо;
Пусть будет родина моя.

А. Николаев

ДАЧА ДУРНОВО, БАНДИТИЗМ И ПРОЧ.

И. Церетели в своих воспоминаниях, печитающихся в "Новом Журнале," коснулся одного из эпизодов русской революции, ставшего "притчей во языцех" — захвата анархистами дачи Дурново.

Говорит Церетели, впрочем (по крайней мере в той части воспоминаний, которая уже напечатана),* не о самом факте захвата дачи, а о том, что анархисты там жили и предприняли оттуда (6 июня 1917 года) другой захват — типографии газеты "Русская Воля." Но так как оба захвата совершены одними и теми же лицами, то нет сомнений, что оба они должны быть аналогичны, и что то, что Церетели говорит о захвате типографии, в одинаковой мере относится и к захвату дачи.

Типография "Русской Воли," по словам Церетели, была захвачена анархистами для того, чтобы передать ее рабочим, там работавшим. Передача не состоялась, так как, во-первых, рабочие будто бы не согласились брать в свое распоряжение типографию (так, по крайней мере, утверждает Церетели), а во-вторых, подоспевшие войска заставили анархистов отдаться в руки представителей петроградского Совета, т. е. властей.

Захват типографии (а так же и дачи) Церетели называет уголовным актом, а лиц, учинивших этот акт — величает бандитами.

Последнее и вынуждает нас сказать хотя бы несколько слов обо всем этом.

Прежде всего, следует отметить, что далеко не все анархисты одобряют захват дачи Дурново. (Это же в одинаковой степени относится и к захвату типографии.) Большинство анархистов против подобных действий. Даже такой максималист-анархист, как А. Андреев, резко осудил действия захватчиков. (См. его "Неонигилизм.")

Но несогласие с поступком — одно, а зачисление его в разряд уголовщины — другое. Если бы Церетели лишь осудил действие анархистов, никто не стал бы его оспаривать. Но он не только осуждает. Он, откровенно говоря, извращает понятия.

Вспомним на минутку случай, имевший место в Париже в конце прошлого столетия. Франция была парализована безработицей. По улицам бродили тысячи бездомных и голодных людей. Вдруг появляется невысокого роста женщина — то была Луиза Мишель — входит в пекарню, берет хлеб и раздает его голодным. С точки зрения Церетели, Луиза Мишель совершает преступление, с точки же зрения гуманности, она совершила хорошее дело.

Конечно, захват дачи Дурново не столь ярок, как поступок Луизы Мишель, но тем не менее тут есть что-то общее. В том и в другом случае "преступление" совершается не ради личных целей, а в интересах ближнего, во имя общества. Сам Церетели утверждает, что типография была захвачена с целью передачи ее работавшим там. С этой же целью была захвачена и дача, что косвенно тоже подтверждает Церетели. По его словам, когда представители власти (посланные министром Переверзевым) явились на дачу, чтобы очистить ее от анархистов, то они убедились, что там живут не только анархисты, но и другие людей, — преимущественно рабочие близ лежащих заводов со своими семьями. Парк, входивший в пределы дачи, оказался хорошим местом для детских игр. Даже некоторые культурные учреждения были обнаружены в районе дачи. Стало быть, анархисты захватили дачу с тем расчетом, чтобы дать возможность другим там жить, — пожалуй, больше нуждавшимся в хороших условиях жизни, чем владельцы дачи.

Правда, анархисты и сами жили там, и жили, по словам А. Андреева, не очень то примерно, но вместе с тем, они давали возможность и другим жить там. Разве было бы лучше, если бы дачу занимали ее прежние владельцы, а дети рабочих продолжали копаться в грязи где-то на окраине города?

Ни с точки зрения революционной этики, ни с точки зрения социальной справедливости, анархисты захватывая дачу и давая возможность жить там семьям рабочих, не совершили никакого преступления. Единственно в каком смысле они совершили

---

* Эти строки писались в ноябре 1957 г.

преступление — в смысле нарушения закона о частной собственности. Но Церетели, как революционер (а он не простой, а активный участник Февраля), должен признать, что всякая революция (в том числе, конечно, и февральская), так или иначе, нарушает частную собственность. Не только царь, но многие другие лица, в результате революции лишились многого из того, что можно подвести под понятие "частная собственность." Однако Церетели не называет творцов и вдохновителей Февраля бандитами.

В сущности анархисты, захватывая дачу Дурново, делали то же самое, что делал Церетели, подтачивая и свергая самодержавие. Только пошли анархисты гораздо дальше Церетели. Церетели остановился на первых ступенях революционной лестницы, анархисты же пытались достичь последних ступеней. В этом вся разница, — так сказать, в объеме, в размере, но не в принципе. Принципиально анархисты не пошли против революции.

Поступок анархистов можно считать ошибочным, необдуманным, легкомысленным, возможно даже "диким," но никак нельзя согласиться, что поступок этот — уголовщина. В уголовщине, как правило, отсутствуют какие-бы то ни было социальные мотивы. Уголовщина исключительно частное дело. В поступке же анархистов есть элементы общественности. Быть может, выражены они не совсем отчетливо, но тем не менее они есть. Захватывали анархисты дачу (или же типографию) не для себя, даже не для своей партии, а для общества. Это была революционная экспроприация, а не уголовный акт.

Неужели Церетели полагает, что только ему и его единомышленникам известна суть революции? Знают ее и анархисты. Не все анархисты одинаково толкуют революцию. Многие, считая себя революционерами, ни за что не пойдут на такие дела, как захват отдельных дач или типографий. Но тем не менее и те, кто участвовал в захвате дачи Дурново, действовали в полном согласии с своими революционными принципами. Так они понимали революцию. Возможно, повторяем, они ошибались, но ошибки и бандитизм — не одно и то же.

Церетели полагает, что слишком смелые действия анархистов ободрили большевиков. Последние, дескать, воочию убедились в слабости Временного Правительства, начали действовать смелее и в конце концов захватили власть в свои руки. Даже если в самом деле было так, то это еще не повод для приписывания анархистам бандитизма. Но фактически так не было. Большевики тогда ничего не успели и их лидеры вынуждены были бежать в Финляндию. Кроме того, если бы в России больше произошло таких актов, как захват дачи Дурново, то из рук большевиков были бы выбиты все козыри и большевики никогда никакого восстания не подняли бы. Большевики именно потому и пришли к власти, что Церетели и его единомышленники остановились на первом же полустанке революции. Нужно было поезд двигать дальше, — большевиков никто не знал бы и их кабалы не испытывал бы.

Если анархистам приписывают уголовщину всевозможные ретрограды, то это как то понятно и естественно: от ретроградов ведь иного нельзя ожидать. Но если это делают лица, значительную часть жизни посвятившие торжеству революции — тут ничего нельзя понять.

От такого человека, как Церетели, естественно ждать более трезвых суждений. Увы... Как видно, партийное сектанство везде дает одни и те же результаты. Будь то большевик, меньшевик или же другой узкопартийный сектант — получается одно и то же: только его идеология — свет, а все остальное — грязь. Церетели здесь вполне солидаризируется с большевиками, тоже называющими анархистов бандитами, но от большевиков, как от лиц, чуждых культуры, и ожидать другого не приходится. Неужели и Церетели хочется стать таким же "культурным," как большевики?

Так как Церетели захват дачи считает уголовным делом, то само собой понятно, что если бы ему пришлось судить захватчиков, то судил бы он их не как анархистов, а как уголовных преступников. Чем же это отличалось бы от обыкновенных буржуазных Шемякиных судов над анархистами?

Н. Н.

Каждый индивидуум найдет удовлетворение своим потребностям только тогда, когда он будет группироваться с индивидуумами других коммун имеющими те же потребности.

П. Кропоткин

КАПРИЗНАЯ ФЕМИДА

(ПАМЯТИ САККО и ВАНЦЕТТИ)

От Ред. Эта статья была написана для № 54 "ДТП" по случаю исполнившегося в прошлом году 30-летия со дня казни Сакко и Ванцетти, но по техническим причинам (недостаток места) не могла войти в № 54.

Богиня правосудия — Фемида — обычно изображается с повязкой на глазах, — знак беспристрастия. В деле Сакко и Ванцетти Фемида, однако, хорошо видит и упорно гнет свою линию, т. е. держит путь в заранее предначертанном направлении, несмотря на то, что по всем данным, она должна была бы идти как раз в противоположную сторону. О беспристратии, вследствие этого, в этом деле не может быть и речи.

Прежде всего, следует, хотя бы в самых общих чертах, восстановить картину случившегося происшествия.

Был день получки, — день, когда деньги из банка доставляются на фабрики и заводы, что в значительной мере облегчает операции всевозможных налетчиков. Как показывает практика, день получки — для грабителей день жатвы.

Место происшествия — фабричный район (преимущественно обувные фабрики) в небольшом городе штата Масачузетс — Саут Брейнтри.

У обувной компании Слейтер и Мерилл было несколько фабричных зданий, поэтому лицам, занимающимся распределением получки, приходилось несколько раз пересекать улицу с ящиками, наполненными деньгами. Во время одного из таких переходов через улицу — 15 апреля 1920 г. — на артельщика Ф. Парментера и сопровождавшего его охранника А. Берарделли неизвестно откуда посыпались выстрелы. Берарделли был сражен первыми же пулями, а Парментер бросился бежать, но следующие выстрелы настигли и его. Оба они, падая, конечно, уронили ящики с деньгами.

На сцене преступления, по рассказам очевидцев, фигурировали три человека: тот, который стрелял, тот, который подхватил ящики с деньгами и тот, который правил откуда то внезапно появившемся автомобилем. Все это произошло с быстротой молнии. Грабители так же быстро скрылись, как быстро появились. О ловкости их рук свидетельствует тот факт, что они не только сумели в миг ока подобрать все деньги, но не оставили и револьвера, принадлежавшего Берарделли.

Произошла, однако, и оплошность: один из налетчиков оставил на месте преступления свое кепи.

Вот, в кратких словах, сцена происшествия.

Неизвестно почему, но власти связали это дело с другим аналогичным делом, имевшим место 24 декабря 1919 г. в том же штате, но в другом городе — в Бриджвотер. Связующим звеном оказался большой черный автомобиль фирмы "Бюик." В показаниях свидетелей, вызванных как по одному, так и по другому делу, описания автомобиля вполне сошлись, равно как сошлись и описания человека, сидевшего за рулем. (Указывали на Ванцетти.)

Ничего не естественного тут нет. Один и тот же человек в одном и том же автомобиле, вполне мог совершить ограбление и 24 декабря 1919 г. и 15 апреля 1920 г. (Следует, впрочем, отметить, что 24 декабря 1919 г. была лишь попытка к ограблению, т. к. налет оказался неудачным.) Но... несколько часов спустя после кровавого события 15 апреля 1920 г. злополучный автомобиль, так подробно описанный свидетелями, нашли недалеко от Вест Брейнтри оставленным на дороге с 12-ю пустыми револьверными патронами внутри. Дознание установило, что автомобиль — краденный.

Возникает вопрос: как мог Ванцетти совершить в краденном автомобиле два преступления, разделенные чуть-ли не 4-х месячным сроком? Если автомобиль был украден накануне 24 декабря 1919 г., то очевидно, что в этом автомобиле Ванцетти не мог совершить налета 15 апреля 1920 года. Если же автомобиль был украден накануне 15-го апреля 1920 г., то не может быть и речи, чтобы Ванцетти сделал в нем нападение 24 декабря 1919 г.

Затем — револьвер, принадлежавший Берарделли.

По заявлению полиции, во время ареста

у Сакко и Ванцетти были обнаружены револьверы в карманах, при чем револьвер Ванцетти — тот самый, которым раньше обладал погибший охранник. (Жена убитого будто бы опознала.) Здесь Ванцетти выставляется в роли наивного мальчика: захватил у убитого револьвер и давай с ним щеголять, возводя на себя тем самым улики. Нужно быть более чем наивным, чтобы этому поверить. Логически — у Ванцетти во время налета не было огнестрельного оружия, — иначе, зачем ему понадобился бы револьвер охранника. Логически выходит, что Ванцетти, выехав за город, принялся палить из захваченного револьвера (по воробьям, должно быть), небрежно бросая при этом пустые патроны в автомобиле, как бы с той целью, чтобы не замести за собою следа. Обычно следы в таких случаях старательно заметаются, у Ванцетти же получается обратное.

Капризная Фемида на все это закрывает глаза.

А где же третий соучастник? По рассказам свидетелей, в ограблении участвовало три человека. Судили только двоих. Третий как в воду канул. Насколько помнится, его никто и не пробовал искать. Фемида молчит.

Или вот — показания свидетелей. Вот уж подлинно — "кто в лес, кто по дрова." По рассказам одних, автомобилем правил Ванцетти, а Сакко стрелял, по рассказам других, стрелял усатый, а тот, что без усов, находился в автомобиле. Из-за этих усов даже ссора произошла между двумя свидетелями. Произошла также перепалка из-за брюнета и блондина. Одним стрелявший показался блондином, другим — брюнетом. Третьи утверждали, что стрелявшего вообще нельзя было видеть, ибо он спрятался за кирпичи, сложенные ярусом возле строишевгося здания. Четвертые доказывали, что не за кирпичами стрелявший спрятался, а за газолиновым баком.

Фемида палец о палец не ударила, чтобы разобраться в этой путанице.

Но, может быть, подсудимые были беспомощны? Может быть, у них ничего не было для опровержения этих противоречивых обвинений?

Ничего подобного. Опровержений было больше чем надо. В руках Ванцетти квитанция от экспрессной компании, устанавливавшая, что 15 апреля Вацетти находился в Плимуте (место жительства Ванцетти), получал и отсылал посылки экспрессом. 40 жителей Плимута под присягой показали, что 15 апреля (был канун пятницы) они покупали рыбу у Ванцетти. (Ванцетти промышлял рыбой.)

Увы, капризной Фемиды это не коснулось.

У Сакко в банковой книжке черным по белому сказано, что 15 апреля Сакко выбирал из банка деньги, нужные ему для поездки в Италию. (Сакко хотел навестить заболевшего отца-старика.) Служащие итальянского консульства в Бостоне подтверждали, что Сакко в этот день был в консульстве за нужными ему бумагами, да и сами бумаги показывали, что выдача их состоялась 15 апреля.

Фемида и на это не обратила внимания.

Обвинители многозначительно заявили, что Сакко и Ванцетти могли быть 15 апреля в других городах, а потом прибыть в Саут Брейнтри и совершить ограбление. Хорошо еще, что не стали утверждать, что сам факт ограбления мог быть перенесен в другой город, — туда, где находились Сакко и Ванцетти.

**
*

В деле Сакко и Ванцетти есть много общего с Чикагской Драмой. Та же уголовщина для официального обвинения, те же идейные убеждения — для фактического. Но причины, породившие дело Сакко и Ванцетти, отличаются от причин, породивших Чикагскую Драму. Последняя возникла почти исключительно на почве классовой борьбы, т. е. на почве требований улучшения положения рабочих. Есть, конечно, оттенок классовой борьбы и в деле Сакко и Ванцетти, но все же главная причина не в этом, а в том, что достигло зенита во время Палмеровских погромов.

Трудно сказать, почему палмеровщина вспыхнула в конце 1919 г., а не сразу же после октябрьского переворота в России. Возможно, что это имело какую-то связь с предстоявшими в 1920 г. президентскими выборами. (Быть может, демократы думали этим отстоять положение правящей партии.) Возможно, что на этом походе против радикалов и иностранцев кто-то на-

деялся нажить политический капитал. Все возможно. Но факт остается фактом: почти два года в США никого не трогали за симпатии или же приверженность к октябрьскому перевороту. Гонения начались к концу 1919 г., при том — по крайней мере первоначально — не на идейных сторонников "октября," а на критически к нему относившихся анархистов. Парадокс этот, повидимому, объясняется тем, что октябрьский переворот вызвал в США не большевистское массовое движение, а анархическое. Идея безвластия сделалась самой любимой и популярной среди рабочих, — в первую очередь, конечно, среди тех рабочих, которые приехали в эту страну из России. Даже бывшие картежники и хронические завсегдатаи салунов бросили свое "ремесло" и сделались идейными и морально-чистыми людьми. Это, конечно, было известно властям.

Пользовались заметным успехом идеи безвластия и среди итальянского населения. Поэтому когда разразилась палмеровская свистопляска в виде погромов на Союзы Русских Рабочих, то она захватила в свой водоворот и некоторых итальянских рабочих. Один из таких рабочих, А. Салседо, после долгих мытарств и допросов, выбросился с 14 этажа из здания юстиции в Нью Иорке. (Это официальная версия. Некоторые полагают, что Салседо не выбросился, а был выброшен.)

Трагическая гибель Салседо, а также слухи о предполагающихся набегах на итальянские радикальные организации, взволновали итальянских рабочих. Созывались митинги протеста против разгула палмеровщины, против явлений, подобных трагической смерти Салседо. Печатались прокламации и воззвания в защиту свободы слова, собраний и т. д. Сакко и Ванцетти принимали самое активное участие в этой работе. Они несколько раз ездили в Нью Иорк, чтобы выяснить трагическую гибель Салседо; прятали литературу; способствовали устройству массовых митингов, на которых неоднократно сами выступали с речами.

Все радикалы тогда были на учете у властей, особенно те из них, которые развивали широкую деятельность. Арест Сакко и Ванцетти давно был предрешен; полиция ждала лишь удобного случая для этого.

И вот — ограбление, убийство, показания, что нападавшие "похожи на итальянцев..." Предлог весьма заманчивый и удобный. Но как все это связать? Вывез случай. Спустя несколько дней после дерзкого налета в Саут Брейнтри, в один из гаражей соседнего города Вест Бриджвотер был доставлен молодым итальянцем автомобиль для починки. Так как всем уже было известно, что налетчики в Саут Брейнтри, "похожи на итальянцев," то владелец гаража немедленно доложил полиции, что, дескать, к нему в гараж доставлен подозрительный автомобиль подозрительным человеком. Установили слежку...

Владелец злополучного автомобиля — хороший приятель Сакко — обещал, что как только автомобиль выйдет из ремонта, то он, Сакко, сможет его использовать для перевозки литературы в более надежное место. В назначенный день и час, владелец автомобиля, Сакко, Ванцетти и еще один человек отправились в гараж и, конечно, были "накрыты" поджидавшими их агентами полиции. (Фактически арест произошел когда молодые люди, узнав, что автомобиль еще не исправлен, оставили гараж.) Владельца автомобиля и четвертого человека вскоре освободили, а судьба Сакко и Ванцетти — всем известна.

Таким образом, Сакко и Ванцетти не были пойманы с поличными. Никаких прямых улик нет. Единственным косвенным подтверждением могут быть револьверы, оказавшиеся у них в карманах. Но если согласиться с полицией, что у Ванцетти был тот самый револьвер, который принадлежал погибшему стражнику, то и эти улики приходится поставить под сомнение, ибо никак не верится, чтобы Ванцетти решился носить при себе вещь, явно его уличающую.

Эта бездоказанность и легла в основу протеста против казни Сакко и Ванцетти, разлившегося по всему земному шару. Протестовали не только единомышленники осужденных или же радикалы. Протестовали люди разных политических взглядов, разных верований и убеждений. Всем, трезво и объективно смотревшим на вещи, было видно, что вынесение смертного приговора на основании сбивчивых показаний

свидетелей — акт в высшей степени несправедливый. Несправедливость усугублялась еще тем, что как у Сакко так и у Ванцетти были доказательства, что в день ограбления они находились в других городах.

Власти вначале, повидимому, колебались. Многолюдные демонстрации во многих столичных городах у зданий американских представителей; угрожающие письма и бомбы (в Париже) в посольстве; бойкот товаров и всеобщие стачки (Монтевидео, Стокгольм), — все это заставляло властей медлить с приведением приговора в исполнение. Этим, повидимому, и объясняется, что со дня вынесения приговора до приведения его в исполнение прошло свыше шести лет.

С течением времени власти, однако, убедились, что серьезной опасности тут не предвидится. К тому же "сохранение лица" тоже играло известную роль. Помиловать Сакко и Ванцетти после долгих лет борьбы — то же самое, что капитулировать, выбросить белый флаг. А сильным мира сего показать свою слабость — весьма и весьма неудобно. "Брек'эм бат мейк'эм"— гласит поговорка, т. е. поломаю, но сделаю. Чтобы несколько успокоить общественное мнение и для вящего веса, часть вины за это позорное дело была переложена на науку. В ответ на многочисленные требования пересмотра дела, губернатор Фуллер назначил комиссию из нескольких ученых, во главе с ректором одного из лучших университетов — Лоуэллом. На первых порах казалось, что это дань объективности: ученые дескать будут беспристрастны. Увы, это только так казалось. Комиссия Лоуэлла, подобно крыловскому господину, усердно рассматривавшему букашек, а слона не приметившему, занялась исследованием хода судебного процесса, а вопрос о виновности Сакко и Ванцетти обошла сторонкою. После нескольких заседаний, комиссия вынесла заключение, что процесс происходил по всем правилам судебного искусства, никаких нарушений или упущений не было, следовательно... Это "следовательно" произнесли уже власти, посадившие в предрассветные часы 23-го августа 1927 г. Сакко и Ванцетти на электрический стул.

***

Единственным вещественным доказательством в деле Сакко и Ванцетти могла быть фуражка (кепи), оброненная нападавшими на месте преступления. На это доказательство прокуратура, как видно, возлагала большие надежды. Почему-то было решено, что фуражка принадлежала Сакко (хотя это не совпадало с показаниями тех свидетелей, которые утверждали, что автомобилем правил Сакко: если правил, то как мог фуражку потерять?) Десятки лиц были опрошены относительно головного убора Сакко. Большинство опрошенных ответили, что Сакко предпочитал ходить с непокрытой головою. Некоторые, однако, в том числе и хозяин, где работал Сакко, заявили, что им иногда приходилось видеть Сакко в светлом кепи. Найденное кепи тоже было светлого цвета. Значит... прямое доказательство.

Утверждения Сакко, что он никогда такого цвета фуражки не носил, конечно, в расчет не принимались. Кто же станет верить подсудимому?

Игнорировались и доводы защиты, что найденная фуражка и захваченный у убитого стражника револьвер — никак не совпадают. Если Сакко оказался таким проворным, что даже успел револьвер выхватить у убитого из кобуры, то уж, конечно, он никак не мог бы оставить свою фуражку, как вещественне доказательство, на месте преступления. Что-что, а фуражку он первым долгом подхватил бы, а потом уже искал бы револьвер.

Прокуратура все это парировала тем, что, дескать, револьвер в то время был для Сакко гораздо важнее фуражки. При помощи револьвера можно было отбиваться от погони, а фуражка — что? Пустяки. Стоит 25 сентов.

Защите пришлось проглотать горькую пилюлю. Фуражка на-лицо, никак нельзя ее отрицать.

Настал, наконец, момент, когда прокуратура, направив палец на Сакко, должна была сказать: "вот он — преступник."

Начали примерять фуражку... (Без этого нельзя было обойтись.) Когда ее надели на голову Сакко, — все разинули рты. Фуражка сидела лишь на макушке. Ее размер никак не соответствовал размеру фуражки, носимой Сакко.

Этот конфуз обвинение "объяснило"

тем, что, дескать, фуражка от продолжительного неупотребления съузилась.

На таком произвольном толковании фактов и явлении построено все дело Сакко и Ванцетти. Фактически это не судебный процесс, а повторение известного толкования о "дышло," которое куда повернул, туда и вышло. Если так, то виноваты Сакко и Ванцетти, если и не так, то виноваты Сакко и Ванцетти.

Такие дела, с такими доводами и обоснованиями, по всем правилам юриспруденции, должны покоиться в мусорном ящике, а не разбираться в суде. Но... Сакко и Ванцетти... анархисты. Их можно судить и без фактов и без логики.

Следует указать еще на одну "деталь." Обыкновенно если арестовывают лиц, учинивших ограбление, то у них обнаруживают крупные суммы захваченных денег. У Сакко же и Ванцетти никаких крупных сумм не оказалось. Где же деньги? Запрятали их под камень, что-ли, как это сделал Раскольников у Достоевского?

***

Смерть Сакко и Ванцетти, как было отмечено выше, явилась эпилогом той истерии, которая была вызвана или же навеяна октябрьским переворотом. Но, несмотря на все это, Сакко и Ванцетти никакого отношения к этому перевороту не имели. Как анархисты, они были против новоявленного большевистского государства, как и против старого, буржуазного.

К сожалению, у руля правления часто стоят люди, действующие по принципу — "ночью все кошки серы." Эти близорукие политиканы относят к большевикам решительно всех, кто осмеливается критически отзываться о современных порядках. Если эта близорукость не выходит за пределы личных взглядов, то она вреда никому не причиняет. Но если она переходит в разряд государственных мероприятий, то в этом случае неизбежен вред и позор. Палмеровщина, в сущности, не что иное как донкихотство. Но от обыкновенного донкихотства она отличается тем, что таит в себе, помимо комического, большую дозу трагического и печального. Атака Дон Кихота на ветреные мельницы, кроме улыбки, ничего не вызывает, но нападение палмеровских молодцов с дубинками и револьверами на безоружных, мирных и никому ничем не угрожающих людей, вызывает уже не улыбку, а грусть и печаль. Разве не печально, а вместе с тем и не тревожно, что во главе большого могучего и сильного государства стоят люди, способные усмотреть угрозу для этого сильного государства со стороны таких лиц, как Сакко, Ванцетти или со стороны депортированных на "Буфорде" русских парней, не знавших даже английского языка? Мы ни сколько не намерены умалять значения Сакко и Ванцетти, а также и тех гродненцев, минчан и волынцев, которые были депортированы. Как обыкновенные рабочие, как люди от станка, Сакко и Ванцетти очень много успели, но все же учинить государственный переворот они не могли. Палмер же, требуя от конгресса ассигновок, именно и подчеркивал, что государству грозит опасность.

Казнь Сакко и Ванцетти, вследствие этого, не только несправедлива, дика и антигуманна, но она к тому же глупа и бессмыслена.

Никакой угрозы государству не было. Ее просто выдумали для того, чтобы "прославиться."

К сожалению, и в наше время так поступают некоторые государственные мужи. До электрических стульев, правда, еще не доходит (за исключением шпионажа), но мнимой опасности сколько угодно.

Ю. Капернаумов

НЕКРАСОВ О ПОЛОЖЕНИИ В РОССИИ

(Посвящается подсудимым)

Смолкли честные, доблестно павшие;
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие...
Но разнузданы страсти жестокие.
Вихрь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.
Все живое, все честное косится...
Слышно только, о ночь безпросветная,
Среди мрака, тобою развитого,
Как враги, торжествуя скликаются...
Так на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются...

От Ред.: Это же сказал бы Некрасов о положении современной России.

КРЕСТЬЯНЕ И РЕВОЛЮЦИЯ

Опорою самодержавия служили дворяне — около полумиллиона человек (в числе их — 13 тысяч помещиков), не менее многочисленная чиновничья бюрократия, 106 тысяч белого духовенства (на 60 тысяч церквей), 17,583 монахов (852 монастыря) и 52,937 монахинь и послушниц (400 монастырей). Салтыков-Щедрин рассказал нам о том, как один мужик трех генералов прокормил. Генералов насчитывалось 1,673 человека, причем в генералитете преобладали прибалтийские фоны и бароны, пользовавшиеся большим доверием царя, чем генералы русского происхождения.

Крестьяне, составлявшие ¾ населения страны, должны были кормить все эти привилегированные группы своим трудом, исполнить возложенные на них обязанности и вести нищенское существование. Государство заботилось о верхних слоях правящего класса: дети их обучались бесплатно в привилегированных учебных заведениях: кадетских корпусах, пажеском, лицеях, институтах, духовных семинариях и других школах. Для крестьянских же детей не было достаточно начальных и церковных училищ и большая половина их оставалась неграмотною. Средние учебные завеления или университеты из крестьянских детей оканчивали единицы (городские 4-классные училища в деревнях появились только незадолго перед революцией 1917 года).

Почти поголовная неграмотность деревни представлялась главному вдохновителю самодержавия обер-прокурору св. синода К. Победоносцеву идеальным состоянием "Св. Руси": "Распространение народного образования определено вредно," — говорил царю "этот фрак, управляющий рясами." А другой поборник цареградского рабства К. Н. Леонтьев (1831-91) считал "неграмотность величайшим счастьем для России."

Но больше всего кресьтяне страдали от малоземелья. Реформа 1861 г. закрепила за ними 137 млн. дес., т. е. те наделы, на которых они сидели до освобождения, но многие из них (батраки, дворовые, прислуга и др.) остались без всяких наделов. Лучшие земли, леса, луга, пастбища, выгоны и т. п. остались у помещиков. Списали следуемые с них долги Поземельному Банку, выплатили им выкуп сполна за заложенные земли, да еще по вздутым ценам. В общем помещики выручили за надельные крестьянские земли 3½ миллиарда рублей золотом. Эта огромная сумма не была использована ими на индустриализацию России, а пропита и растрачена по-заграницам. Вдобавок из оставленных помещикам 75 млн. дес., до 1905 года они утратили свыше трети (35,8%) — скуплена купцами-спекулянтами и богатыми деревенскими кулаками.

Увеличение деревенского населения приводило к дроблению крестьянских наделов, малоземелью или полному безземелью. Помещичья земля вздорожала... Переселение в Сибирь затруднялось неимением у крестьян необходимых для этого средств: на проезд по ж. д., требуемых на обзаведение 300-150 руб. Из 24.597 семейств (184.716 душ о. п.), ходайствовавших о переселении в Сибирь в 1897-1900 годах, смогли переселиться только около 1/3, т.е. 7.178 семейств.

И неудивительно поэтому, что в 1902 г. крестьяне поднялись против помещиков: в несколько дней в Полтавской губернии было разгромлено 54 экономии и в Харьковской — 25; аграрное движение охватило Волынскую, Черниговскую, Воронежскую и Саратовскую губернии, хотя и не в такой острой форме, в какой оно проявилось на Украине.

Голод и нужда толкнули крестьян на бунт, но помещики и власти не подумали о том, чтобы накормить голодных и гибнущий от недостатка корма их скот. Помещики завопили благим матом, и сам всесильный министр внутренних дел Плеве прибыл в Харьков на усмирение крестьян.

Бунтующие деревни наводнили казаками, полицией, жандармерией. Произвели всеобщую порку — правых и виноватых. Секли так, что "куски мяса отваливались." Один вид этой страшной экзекуции доводил некоторых людей до обмороков и самоубийств. Наибольшее усердие в истязаниях проявил харьковский губернатор — кн. И. М. Оболенский, удостоенный за это

ордена и высочайшей благодарности, а затем назначенный на должность финляндского генерал-губернатора. Полтавский губернатор А. К. Бельгард, хотя и сек (высек даже одну бабу и сельского старосту), но такого проворства, как кн. Оболенский, не проявил, и был смещен с губернаторской должности. Преемник его кн. Урусов считался более подходящим для экзекуций человеком.

Отличился и прокурор Харьковской судебной палаты А. А. Лопухин: своими советами и докладами он так угодил фон Плеве, что тот взял его с собою в Петербург на должность директора департамента полиции. Убийство фон Плеве 15 июля 1904 года было организовано известным агентом охранки — "эссером" Азефом. После этого карьера Лопухина прекратилась, и он, очевидно, из мести Азефу за убийство своего патрона (а может быть и совесть заговорила) разоблачил этого провокатора Бурцеву, за что был судим и попал в Сибирь...

Крестьян высекли, и 1092 человека были преданы суду харьковской и киевской судебных палат. Адвокаты обвиняемых требовали прекращения дела: крестьян уже наказали розгами и вторичному наказанию они не подлежат за одно и то же преступление. Однако, их все-таки судили. На суде выяснились кошмарные обстоятельства дела:

В 1910 г. в Полтавской губ. — 16.9% безземельного крестьянского населения (из 2.443.905 душ обоего пола). В д. Максимовке крестьяне владели только усадьбами. В Константиновском уезде не хватает хлеба от собственного урожая в 75% всех хозяйств, в Полтавском — 54%. В Валковской волости приходится 8/10 дес. на мужскую душу...

У "бунтовщика" Гречки — 9 душ семьи и ¾ дес. земли. У обвиняемого Маслянкина — 3 брата с женами — 17 детей — всего 23 души. Земли 2¾ дес. — "грабили потому что есть нечего..." В дер. Ковалевке (Полтавский уезд) на 130 дворов — 38 коров... некоторые крестьяне пекли хлеб из подсыпки для скота... В дер. Степановке ¼ дес. на душу и нет ни одной коровы...

Старшина Угаров показал: "...если бы народу жилось лучше, не поехали бы грабить... сено брали "потому, что наша скотина дохнет с голоду." Обвиняемый Глус говорил: "Вот я не пью, работаю усердно, а у меня ничего нет... мне есть нечего, мне сеять нечего..." 74-летний крестьянин говорил исправнику: "Если бы ты ел такой хлеб, как едим мы и наши дети, то сам пошел бы хлеб забирать, у кого его много."

По делу о разграблении экономии Павлова свидетелями установлено, что там бедность крестьян была такая, что на работу шли за 5 коп. в день, лишь бы пропитаться. Экономия только из сожаления платила 15 коп. От недоедания часть населения страдала болезнью, именуемой "куриная слепота" (Гр. Коваленский — товарищ сенатского обер-прокурора).

В дер. Максимовке — земли мало, нехватает хлеба, нет сенокосов, выпаса для скота. Было штук 300 голов скота, а теперь 100 шт... нет средств на покупку пригодных земледельческих орудий... навоз идет не на удобрение земли, а на отопление... "И думаю, что если бы нам лучше жилось, никакие книжки (революционеров), чтобы там в них ни написано, не имели бы никакого значения. Страшны не книжки, а то, что есть нечего ни тебе, ни скоту..."

"...Крестьян секли без счета," — заявил на суде земский начальник Глушков. Особенно усердствовал харьковский губернатор кн. Оболенский. Он сек всех без разбору. "Все это было бы еще ничего, — замечает Гр. Коваленский, — если бы кн. Оболенский не признал, сверх того, необходимым и далее терроризировать население. Отбывая в Харьков, он предоставил всем, кто считал себя начальством на меместе, продолжать экзекуции... Сек всякий кого хотел и как хотел..."

20 обвиняемых по делу Лингарта получили по 200 ударов. По делу Павлова один из обвиняемых получи 150 ударов; по делу Шацило высечено 10 человек. Устенко получил 200 ударов — пролежал два месяца в больнице; Щетина получил 200 ударов розог, урядники еще били плетьми; страдал припадками Витовой пляски — один из припадков на суде длился два часа..." (Гр. Коваленский.)

Порка была всеобщей — "надо было бунт усмирить, а разбираться было некогда." Константиноградский исправник Кравчинский заявил: **"крестьяне затаили**

злобу и розог не забудут" (расплата наступила в 1917 г.).

"Население пало ниц под тяжестью перенесенных наказаний, — докладывал в Петербург Гр. Коваленский, — но прикрыв собой всю введенную в его среду преступную литературу, затаив в себе все внушенные мысли и идеи, которым крестьяне, видимо продолжают верить... Крестьяне молчат, никому ни в чем не перечат, но зато ничего о прошлом не говорят, никого не выдают... Повторяю... не репрессиями можно надеяться вылечить тяжкий недуг нашего кретьянства..."

Большинство обвиняемых все-таки были посланы в арестантские роты и тюрьму на различные сроки — от 4½ лет и меньшие. Казна возместила убытки помещикам (деньги, конечно, содрали с крестьян), в деревнях ввели полицейских стражников для охраны помещиков и на страх мужикам..., ну, а о крестьянах позабыли, предоставив им заживлять искалеченные розгами спины...

* * *

Разразилась злополучная русско-японская война (1904-1905). Неудачи на фронте вызвали революционное брожение в тылу. Весною и летом 1905 года аграрное движение охватило 96 уездов, осенью 1905 года — 171 уезд, а весною и летом 1906 года захватило 305 уездов, т. е. большую половину Европейской России. В 10 губерниях было сожжено свыше 2 тысяч экономий, и помещичьи убытки П. Масловым определяются в 29 млн. рублей золотом. Повторение реформы 1861 г. могло бы предотвратить революцию, превратить крестьян в довольных людей. Вырванный у царя манифест 30 октября 1905 г. о конституционных свободах не вызвал у крестьян священного трепета — Государственная Дума интересовала их постольку, поскольку в ней требовали разрешения земельного вопроса.

Надо отметить, что в окружении царя были сторонники отчуждения помещичьей земли. Вернувшись в Петербург, после подавления аграрных беспорядков в Черниговской и Курской губерниях, адмирал Дубасов говорил премьер-министру Витте: "лучше всего было бы теперь же отчуждить крестьянам те помещичьи земли, которые они забрали... теперь такою мерою можно успокоить крестьянство, а потом — посмотрите, — крестьяне захватят всю землю и вы с ними ничего не поделаете."

Другой душитель революции 1905 года — генерал Трепов, передавший царю записку и проект проф. Мигулина о принудительном отчуждении помещичьей земли, говорил Витте: "Я сам помещик, но не против отдачи даром половины моей земли, будучи убежден, что только при этом условии я сохраню за собою вторую половину." Витте пишет, что Трепов, напуганный сплошными восстаниями крестьянства, ратовал за "немедленное и широкое отчуждение помещичьих земель в пользу крестьянства," и что "все помещики, — говорил он, — будут очень рады такой мере," что провести подобную реформу надо самодержавною властью царя без Гос. Думы, чтобы отвратить крестьян от революции. Но окружение царя, состоявшее из немецких фонов и баронов — крупных остезейских помещиков — воспротивилось этим планам и возненавидело Гос. Думу, как озорное и опасное нововведение. Запротестовал против отчуждения и дворянский съезд.

Разработавший проект об отчуждении земли министр земледелия Кутлер был уволен, царь распустил Гос. Думу 21 июля 1906 г., и Витте был заменен Столыпиным — крупным помещиком и б. саратовским губернатором, проявившим себя энергичным усмирителем крестьянских беспорядков. В междодумье, декретом 22 ноября 1906 г. Столыпин провел закон об уничтожении крестьянского общинного владения, о хуторском расселении, об укреплении долей земли в личную собственность. Это был контр-революционный удар крестьянскому аграрному движению со стороны помещиков. Закон о хуторах вносил в деревенскую жизнь деморализацию, междоусобицу, обнищание большинства крестьянства, и усиливал в деревне влияние кулацких элементов.

Вторая Гос. Дума, с оппозиционным большинством (в составе ее — 180 социалистов, помимо кадетов и трудовиков), восстала против столыпинских хуторов, и была распущена 5 марта 1907 г. Столыпин изменил избирательный закон в пользу привилегированных сословий, и в третьей

Гос. Думе образовалось уже послушное правительству большинство (в состав его входило 150 депутатов-священников — случай, неизвестный ни в одном парламенте всего мира). Хуторское расселение производилось под сильным давлением местных властей: на хутора потянулись кулаки и крестьяне, слабо связанные с землею, благодаря отхожим промыслам. Последние стремились укрепить за собою доли земли, чтобы разбазарить их потом, оборвать всякую связь с деревней. Столыпинские хутора оказались недолговечными, искусственными насаждениями, которые совершенно исчезли после революции 1917 года.

Республиканская Франция спасла царизм от падения в 1906 г., предоставлением России двухмиллиардного займа. У Столыпина оказались деньги на подавление революции. Треповский лозунг — "патронов не жалеть" и "столыпинские галстуки" —(было повешено в 1908 г. 782 революционера — по официальной, значительно, конечно, преуменьшенной статистике) были широко использованы реакционной властью.

Столыпин был убит.

Столыпинский белый террор не спас самодержавие от краха, а только отсрочил его падение до 1917 года. За два миллиарда франков Франция покупала у царя будущее участие России в войне против Германии, угрожавшей интересам Англии на Ближнем Востоке (про-немецкое правительство в Турции) и французским интересам в Африке (инцидент в Тунисе и пр.). Агрессивность немцев на Балканском полуострове (аннексия Боснии и Герцеговины) подрывала русское влияние на Балканах, и в 1914 г. разразилась судьбоносная первая мировая война, вызвавшая большие пертурбации в планетарном масштабе...

Розгин

НОВЫЙ КЛАСС ИЛИ ОБЫКНОВЕННАЯ БЮРОКРАТИЯ?

Что стало бы с корреспондентами газет и журналов, с комментаторами радио и телевидения, начиная от консерваторов и кончая социалистами, если бы вдруг большевики сошли со сцены? Мне кажется, что это вызвало бы "голод" среди слуг продажной публицистики. Большевизм для них — неиссякаемый клад. Каждая мелочь, происходящая за Железным Занавесом, подхватывается падкими на сенсации писаками и раздувается до неимоверных пределов. Это заметно даже в рядах прогрессистов и радикалов. Особенно много внимания уделяется "эволюции" большевиков.

Нет надобности доказывать, что журнал "ДТП" с первого номера точно определил, что такое большевики, к чему они стремятся и во что они превратили русскую революцию. Точный образ большевизма был хорошо нарисован еще первыми теоретиками анархизма, т. е. еще задолго до захвата большевиками власти в России. Анархисты всегда указывали, что всякое государство, в том числе, конечно, и большевистское должно иметь чиновников, т. е. бюрократию. Это неизбежно. Без этого государство существовать не может. Бюрократия, защищая свои личные интересы, вместе с тем защищает и государство, как целое.

Политические перемены, конечно, ведут к переменам бюрократии. Одна бюрократия уходит, другая появляется ей на смену. Так случилось и в России. Ушли старые чиновники — появились новые.

Что же тут нового? Для анархистов ничего нового тут нет. Однако, бывший соратник Тито, М. Джилас, написал книгу, которую он озаглавил "Новый класс." Речь в книге идет о большевистской бюрократии. Как видно, Джилас считает ее чем-то новым. Возможно, что Джилас раньше был ослеплен и лишь теперь увидел, что собой представляет социалистическое государство.

Книга Джиласа пришлась очень по вкусу сторонникам капиталистического строя. Ссылаясь на эту книгу, они указывают простым обывателям: смотрите мол как плохо в социалистическом государстве, а как хорошо в нашем — демократическом. Что в созданном большевиками государстве плохо — об этом и речи не может быть, но едва ли далеко ушли от больше-

виков и буржуазные государства. "Хорошо" в этих государствах лишь до тех пор, пока правящие круги не чувствуют никакой опасности. Когда же опасность, хотя бы и мнимая, возникает, анти-большевистские государства начинают копировать все приемы большевиков. Это мы видим на примере так называемой антибольшевистской кампании. Что большевики, живущие в США, не представляют никакой опасности этой стране — это известно даже ребенку, однако против большевиков уже издано много специальных законов, т. е. применен тот же зажим, который большевиками применяется по отношению ко всему населению.

Вызвала книга Джиласа восхищение и в кругах меньшевиков, к которым Джилас сейчас, повидимому, примыкает. Они тоже, как и капиталисты, говорят: большевики создали ад, а вот мы, истинные последователи Маркса, создадим рай. Напрасные иллюзии. Меньшевики, если им удастся когда-нибудь добраться до власти, создадут такую же бюрократию как и большевики. Без чиновников и они не смогут править государством. Это было отмечено еще Бакуниным, указывавшим в своем ответе Марксу, что идея государства и идея освобождения рабочих не имеют ничего общего.

Возможно, что меньшевики, если бы они заняли место большевиков, применили бы иные методы и иную тактику, но авторитет государства и у них остался бы непоколебимым. Все распоряжения шли бы из центра, везде были бы канцелярии и бюрократы.

Почти одновремено с Джиласом выступил с разоблачением большевиков другой б. соратник Тито, В. Дедиер. В своей лекции, "Советская Россия, социализм и демократия," прочитанной в Стокгольмском университете, Дедиер указал, что под контролем государства не может быть свободного развития личности и проявления индивидуальных особенностей. Это уже относится не только к большевикам, но и к другим социалистам, все еще мечтающим об устройстве рая на земле при помощи государства.

Беда государственников-социалистов, по мнению Дедиера, заключается в том, что они совершенно игнорируют вопрос об отношении личности к обществу. Этот вопрос Дедиер считает кардинальным. Для его разрешения он предлагает следующее: 1) свободные организации производителей, 2) распределение продуктов самыми же производителями, 3) право производителей принимать участие в ведении дел страны.

Дедиер ничего не говорит, что это будет за общественный строй, но знакомым с социальными науками не трудно убедиться, что это весьма похоже на синдикализм.

Интересно, что Дедиер ничего не говорит о роли политических партий в начертанном им обществе. Все решают производители. Неужели Дедиер из марксиста стал синдикалистом? Похоже на это.

Дедиер в свое время часто бывал в России, видел что там делается, поэтому его утверждение, что большевизм не пустил глубоких корней среди населения лишь подтверждает известное правило, что при помощи насилия можно править, но нельзя при помощи того-же насилия заставить любить кого-то или что-то.

Население России не принимает ни большевиков, ни их теории. Дух сопротивления в населении не умирает. Это подтвердила война с Гитлером и события в Венгрии. Красноармейцы, как только им приходится иметь дело с "врагом," отказываются защищать большевиков и переходят на сторону неприятеля.

Дух декабристов, Белинского, Герцена, Толстого, Чайковского, Достоевского, Чернышевского, Бакунина и Кропоткина живет, по словам Дедиера, в России.

Приятно слышать это от человека, лишь вчера верившего, что государство может освободить трудящихся от эксплоатации. Как видно и у большевиков не всегда бывают каменные сердца. Иногда и у них пробуждается совесть. Правда, редко это бывает, но все же иногда бывает.

Сотрудник нью иоркского "Форвертса," Д. Шуб, комментируя выступление Дедиера, утверждает, что оба бывшие соратника Тито (Джилас и Дедиер) идут одной дорогой. Едва ли это утверждение верно. Джилас пошел от Тито вправо (в сторону буржуазии), а Дедиер пошел, как нам кажется, влево — в сторону анархизма. Правда, окончательно он еще не отрицает государства, но, возможно, дойдет и до

этого. Открыто, впрочем, и население России не требует анархизма, но то, чего оно требует, вполне совпадает с анархическим мировоззрением. Населению прежде всего нужен хлеб и воля, а это и есть начало анархизма.

Все же интересно, что бывшие большевики начинают, хотя и задним числом, подтверждать то, что давно говорят анархисты. Покойный Г. Максимов около 10 лет тому назад в своей книге "Гильотина за работой" рассказал все то, что Джилас и Дедиер лишь теперь увидели. Тогда они таких, как Максимов, камнями побивали, называя их контр-революционерами, врагами рабочих и т. д. А теперь они сами подтвердили, что не Максимов, а они были контр-революционерами и врагами рабочих.

Тяжело, как видно, солнцу-правды пробиваться сквозь густые облака лжи. Но все же пробивается.

Б. Еленский

ПРОГРЕСС ИЛИ РЕГРЕСС

Всякий знает, что слово "прогресс" означает движение вперед, а слово "регресс" — движение назад. Это простая, азбучная истина. Но люди привыкли искажать слова и понятия. Они это делают в зависимости от своих взглядов и интересов. В особенности злоупотребляют словами и понятиями партийные люди, и в первую очередь большевики. Для последних все хорошо и правильно, что не противоречит их партийным интересам и успехам. Для большевиков такие понятия, как прогресс и социализм, являются синонимами того, что наблюдается сейчас в России. Они знают, что там нет и не может быть прогресса, потому что население не пользуется свободой, а находится в рабском положении, под пятой тоталитарной диктатуры или государства-хозяина, которому все должны беспрекословно подчиняться под страхом тюрьмы или смерти. В России нет прогресса, как и нет социализма, потому что все орудия производства и потребления, вся земля, фабрики, заводы и т. д. находятся в руках не общества или коммун, а государства-паразита, эксплоатирующего трудящиеся массы в своих собственных интересах.

Возьмем другой пример: в Америке, считающейся свободной, демократической страной, существуют законы против чернокожих. Несмотря на то, что официально освобождение негров было провозглашено еще 90 лет тому назад, негритянское население в этой стране все еще пребывает в рабской зависимости. Это наблюдается в особенности в южных штатах, где негры лишены избирательных прав и политических свобод. Они не имеют права появляться в общественных местах или учреждениях наравне с белыми. Им отведены отдельные места в городских парках, театрах, ресторанах и больницах. Их труд эксплоатируется самым жестоким образом богатыми плантаторами, рассматривающими негров, как рабов. Казалось бы, что здесь не может быть и речи о свободе, прогрессе и демократии. А между тем эти плантаторы-рабовладельцы считают себя демократами и прогрессистами. Но подобно большевикам, считающим, что в советской России существуют свобода и социализм, плантаторы фактически искажают истинный смысл демократии и прогресса, потому что это выгодно их интересам и стремлениям.

Большевики, как и капиталисты, всегда злоупотребляют словами, понятиями и действиями ради своих собственных идейных и материальных интересов. В России большевики установили деспотический режим. Там население не пользуется никакими демократическими или политическими правами. Там нет свободы выборов, слова, печати, организации и забастовки. В буржуазных же странах все эти свободы на бумаге имеются и все классы и партии пользуются ими. Но большевики, стремящиеся к власти и господству считают их "буржуазными свободами"; они хотят уничтожить их и установить свое новое классовое рабство. Богатые американские плантаторы держат негров в рабстве и в то же время кричат, что они настоящие

демократы и прогрессисты. Но подобно тому, как большевики не являются истинными социалистами, так и демократы не являются прогрессистами, ибо они идут не к прогрессу и свободной жизни, а к регрессу и старому рабству.

Очень часто люди задают себе вопрос: прогрессирует ли человечество или регрессирует? Такой вопрос легко поставить, но нелегко ответить на него. Правильный ответ на такой важный вопрос зависит от целого ряда сложных социальных факторов и индивидуальных верований людей и их непосредственных интересов. Проще говоря, что для одного человека может быть прогрессом, то для другого представляется регрессом. На такой вопрос люди чаще всего отвечают по разному, в зависимости от своих взглядов, убеждений, воспитания и интересов. Большевик, например, скажет, что несмотря на войны, кровопролития и другие ужасы, человечество все же прогрессирует, и скоро во всем мире осуществится "диктатура пролетариата." Для большевика нет другой веры, кроме веры в свою партию, и он так фанатично верит в свою догму, что не видит ее реакционности и регрессивности. Все давно уже знают, что в России большевики жестоко преследуют истинных социалистов, анархистов и других оппозиционеров. Известно также, что американские демократы долгие годы гноили в тюрьме таких прогрессивных людей, как Дебс и Муни, и казнили истинных прогрессивных борцов, как чикагские мученики и Сакко и Ванцетти. Это показывает, что большевики — лживые социалисты, а демократы, в сущности, реакционеры и враги человеческого прогресса.

Из истории революционного движения разных стран мы знаем, что когда трудящиеся массы поднимались на борьбу за политическое и экономическое освобождение, они олицетворяли собою лучшие чаяния человечества, — стремление к всеобщему благу. Русская революция 1917 года, до прихода большевиков к власти, таила в себе огромные прогрессивные силы, двигавшие страну к устройству новой и свободной жизни. Но пришедшие к власти большевики, несмотря на всю свою былую революционность, затормозили ход революции и постепенно выродились в контрреволюционеров и регрессистов. До достижения своей цели — захвата власти — большевиков можно было считать прогрессистами и защитниками интересов трудового народа, но в настоящее время их нельзя считать прогрессистами, ибо они защищают только свои собственные партийные и диктаторские интересы в противовес прогрессивным и революционным стремлениям народа.

Великие мыслители и истинные поборники человеческого прогресса давно уже указывали на то, что человечество прогрессирует и идет вперед медленными, но уверенными шагами. П. Кропоткин в своих трудах показывает, что в истории развития человечества бывают моменты отступления и шаги назад, но это — передышка, подкрепляющая силы дальнейшего прогресса. Другой великий мыслитель Н. Рубакин указывает, что "человечество постепенно прогрессирует из тьмы веков в светлое будущее."

И действительно, мы знаем, что человечество пережило периоды рабства, феодализма и крепостничества; оно переживет также и буржуазный капитализм и тоталитарное рабство. Во многих странах старая капиталистическая система уже рушится и отживает свое время. В советской России и подчиненных ей странах народы недовольны диктаторской властью. Они давно поняли различие между прогрессом и регрессом, свободой и рабством. Борьба между угнетенными и угнетателями поэтому неизбежна. Истинные прогрессисты должны всеми силами ускорить эту борьбу и помочь угнетенным народам добиться полного освобождения от ига капитала и власти.

Иван Беззубый

———

ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Я в битву шел, как духом гордый лев,
Мой спутник был — завет отцов нетленный.
И страшен был безудержный мой гнев:
Я бросил жизнь, — и пал мой враг надменный.
Каприз судьбы вернул мне жизни дар,
Но снова я, цепей своих достойный,
Врагу нанес еще один удар:
Я жизнь отверг с решимостью спокойной.
И в третий раз я вызываю в бой
Врага моей идеи неподкупной...
Мой враг дрожит перед своей судьбой,
Я казни жду, как пленник неприступный.

И. Каляев

ЗАПОЗДАЛЫЙ ОТВЕТ

(К. Прошину)

В нескольких печатных органах открылись "походы" монархистов, как против отдельных деятелей анархического движения, так и против целых организаций.

Предводительствует этой допотопной ратью некто Касьян Прошин,—личность темная, в прошлом связанная с Гестапо, а до этого, повидимому, с ГПУ, но в сердце своем сохранившая привязанность к Столыпину и к "столыпинским галстукам." Выступает Прошин, так сказать, в роли тяжелой артиллерии; своей мишенью он избрал виднейших теоретиков анархизма — Кропоткина и Бакунина. Метод критики Прошина — доведение логики до абсурда. Всем известно, что любой принцип, любую идею можно довести до нелепости. Свободную любовь, например, легко подогнать под разврат, а личную инициативу—под обыкновенное мордобитие. Даже веру в загробную жизнь можно вывернуть наизнанку. Если есть загробная жизнь и если она лучше земной — значит, мы должны стремиться к ней. Если же мы к ней не стремимся а укрепляем и улучшаем свое положение на земле, — значит, мы не верим в загробную жизнь. Вот подобным методом — приписыванием тому или иному положению совсем другого смысла — и пользуется Прошин. Он прочитал книгу Кропоткина о французской революции, в которой Кропоткин, как сторонник социальных преобразований снизу вверх, много внимания уделяет самодеятельности населения . . . "Ага! — восклицает Прошин — самодеятельность населения." И пошла писать губерния... Все отрицательные стороны русской революции Прошин относит к самодеятельности населения. Устроили пьяние матросы дебош — самодеятельность населения. Остановили злоумышленники поезд — самодеятельность населения. Запылала помещичья усадьба — самодеятельность населения. Изнасиловал маньяк женщину — самодеятельность населения. Учинили над больным человеком самосуд, стащив его, в буквальном смысле этого слова, с больничной кровати — самодеятельность населения. И так без конца. Все язвы, все темные пятна — самодеятельность населения.

Прошин, повидимому, полагает, что это очень оригинально; в сущности же это весьма и весьма глупо. Даже недоучившемуся школьнику известно, что между бесчинствами хулиганов и самодеятельностью населения такая же разница, как между мордобитием и инициативой личности. Неизвестно это, быть может, только Прошину. Если бы Прошин ограничился лишь тем, чего "натворил" Кропоткин в русской революции — было бы еще пол-беды. Но он этим не ограничивается. Он рисует полный "портрет" Кропоткина. И "портрет" получился такой, что даже Кускова, стоящая по своим политическим взглядам ближе к Прошину, чем к Кропоткину, даже она не могла пройти молча, а указала какие протестующие письма Кропоткин писал Ленину (против террора).

По мнению Прошина, Кропоткину чуждо эволюционное развитие общества. (Ну, а Прошину, днем и ночью ждущему падения большевиков, мило это эволюционное развитие в СССР?) Кропоткин, по словам Прошина, приходил в неописуемый восторг, когда начиналось восстание, когда все спешили на улицу, хватали друг друга за глотку, распарывали животы и выматывали кишки, когда на уличных столбах болтались тела с высунутыми языками и выпученными глазами. Если это верно, если Кропоткин, действительно, хорошо чувствовал, разгуливая по улицам среди трупов, то надо сказать, что в течение всей его 79-летней жизни он не знал ни одного радостного не то что дня, но даже часа, ибо до такого состояния, какое описано Прошиным, общество еще никогда не доходило и, конечно, никогда не дойдет. Распарывание животов так и останется в больной фантазии Прошина.

Кропоткин написал не только книгу о французской революции, — десятки других книг им написаны, поэтому говорить о Кропоткине на основании одной только книги (даже если правильно ее цитировать, чего, конечно, нельзя ожидать от Проши-

на) — то же самое, что судить о романе "Война и Мир," прочитав лишь первые пять страниц. Нужно коснуться и других трудов Кропоткина, в особенности его книги "Взаимная помощь, как фактор эволюции." Книга эта известна всякому мало-мальски культурному человеку. Неизвестна она только Прошину, ибо не верится, чтобы человек, знакомый с этой книгой, мог приписать Кропоткину то, что ему приписал Прошин.

"Взаимная помощь, как фактор эволюции" — дополнительное звено к теории Дарвина, которую люди, типа Прошина, пытались истолковать в превратном смысле. Как известно, утверждение Дарвина, что в природе все обусловлено борьбой за существование, т. е. торжеством грубой силы, пришлось очень по вкусу многим сторонникам социальной несправедливости. "Что-ж за новость, что в обществе царит неравенство, — говорили эти лица: — ведь это закон природы. Сам Дарвин это подтверждает." Чтобы опровергнуть такое толкование теории Дарвина, Кропоткин и написал "Взаимную помощь как фактор эволюции." Множеством примеров он доказывает, что прогресс обязан не борьбе "когтем и зубом," не распарыванию животов, по терминологии Прошина, а взаимной помощи. Где солидарность и содружество — там полные шансы на победу. Что не под силу одному, то под силу двум; что не под силу двум, то под силу четырем и т. д. Но эта чисто математическая выгода возможна лишь при наличии самопожертвования. Последнее — альфа и омега в учении Кропоткина. Человек, по мнению Кропоткина, должен стремиться к тому, чтобы давать а не к тому, чтобы получать от других. Сравнивать Кропоткина после этого с сумасшедшим бомбистом (Прошин в заключительных словах уподобил Кропоткина нью-иоркскому сумасшедшему бомбисту) может только тот, кто сам заболел водобоязнью. Кропоткин безоговорочно принадлежит к тому течению, которое известно в социальных науках под именем альтруизма. Правда, Кропоткин желал революции (а разве Прошин ее не желает, — по крайней мере в СССР?) но он желал именно революции, а не разбоя. Революция ради революции, т. е. ради выстрелов и кровопускания, чужда истинным революционерам, в том числе и Кропоткину. Революция лишь средство и как таковое, должна служить известной цели. Цели могут быть разные. Цель американской революции — независимость страны; цель французской — выход на простор "третьего сословия." Цель той революции, к которой стремился Кропоткин — упразднение государства и коренные социальные реформы.

Нарисованная Прошиным революция, конечно, бесцельна, бессодержательна и антисоциальна. Это просто игра в солдатики. Все революционеры, по мнению Прошина — бандиты. Полемизировать с человеком, так смотрящим на революцию, конечно, бесполезно. Как слепому нельзя доказать, что такое цвет, так и Прошину нельзя доказать, что такое революция. Но один вопрос все же хотелось бы задать Прошину. Предположим, совершилось чудо: воскресли все революционеры. (Прошин охаял не только Кропоткина, но и других революционеров.) Под ударами новоявленных Каляевых, Желябовых, Кибальчичей, Кравчинских и др. "бандитов" полетели головы больших и малых Хрущевых, а затем и весь советсткий строй рухнул. Что сказал бы Прошин об этих "бандитах"? — Осудил бы он их или, наоборот, до небес вознес бы? Если бы он их осудил, то он не имеет морального права называть себя антикоммунистом, если бы же он их восхвалил (а это он, несомненно, сделал бы) то зачем же клеветать на революционеров?

***

Оклеветал Прошин Кропоткина в конце января 1957 г. и так как это сошло ему благополучно (почти никто не ответил), то приблизительно через три с половиной месяца он разразился новой статьей, — на сей раз против Бакунина. Легенд о Бакунине создано много. Даже Николай I, узнав об активности Бакунина в Саксонии, будто бы воскликнул: "Какой молодец — мой поручик! Потрясает все европейские страны."

К ним прибавилась новая легенда—прошинская. Не в пример Кропоткину — у Бакунина нет распарывания животов; нет также качающихся на уличных столбах трупов с высунутыми языками. Тут все

проще, стоит Бакунин с большим ножем и всем противникам революции, как петушкам, перерезает горло. Ни судов ни тюрем. Все сосредоточено в лице Бакунина. Он — суд, прокурор и государство. Программа Бакунина выражена весьма кратко: истребление, истребление и еще раз истребление. "А когда все будет истреблено, что тогда?" — спрашивают у Бакунина "Тогда будем истреблять уже истребленное" — отвечает он. Пожалуй, тут все было бы, как говорится, на своем месте, если бы не одно маленькое обстоятельство. Дело в том, что Прошин для "развенчания" Бакунина избрал роман Алданова. Известно, что герои романов говорят не своими словами, а словами автора романа. Следовательно, и Бакунин говорит то, что Алданов вложил в его уста. Прошин все это игнорирует; он речь ведет о словах Бакунина, а не о словах Алданова. Цена всем прошинским суждениям о Бакунине, вследствие этого,—нуль.

Бакунину, несмотря на все приписываемые ему разрушительные качества, пришлось "кипеть" сравнительно недолго. Крылья были подрезаны в самом начале его жизнедеятельности. Он был схвачен пруссаками, как известно, в конце 40 годов прошлого столетия, а когда вторично очутился в Западной Европе, то уже шел седьмой десяток 19-го века. Самые лучшие годы его жизни прошли в тюрьмах — немецких, австрийских и русских. Очутясь опять на свободе, Бакунин все еще был преисполнен желаний, но возраст уже давал себя чувствовать, да и обстоятельства уже были не те. Период восстаний отдельных городов (Дрезден, Прага) уже миновал. Везде чувствовалась рука сильного, централизованного государства. Народилось Международное Товарищество Рабочих (Интернационал), вокруг которого и происходила главным образом деятельность передовых людей того времени. Это уже была созидательная, а не разрушительная работа. Правда, враги Бакунина и здесь приписывают ему "Дух разрушающий." Но это не верно. Бакунин стремился не к разложению Интернационала, а к предохранению от превращения его в политическую лавочку, чем и вызвал гнев Маркса.

Таким образом, жизнь Бакунина, этого громовержца и потрясателя основ, прошла большей частью тихо и мирно, — частично в мрачных казематах, частично в живописной Швейцарии. Носиться "в дыму пожаров" Бакунину, пришлось не долго, а снимать людям головы и совсем не довелось. В общем на совести Бакунина, несмотря на весь его революционный пафос, гораздо меньше слез и крови, чем на совести любого человека, работавшего в Гестапо или ГПУ. Да и с какой это стати Прошин, как государственник, взял на себя роль плакальщика по пролитой человеческой крови? Кто может конкурировать с государством в этой области? Кто обрекает (периодически) миллионы людей на верную гибель (войны)? Тюрьмы, виселицы, гильотины, электрические стулья, газовые камеры — чьи это аттрибуты? У кого на службе состоят палачи? Нет, уж подлинно —"чья бы корова мычала..." Никто столько людей не отправил на тот свет как государственные мужи. Каждое правительство, так или иначе, причастно к кровопролитию. Даже правительство нынешней Индии, идущее якобы по стопам Ганди, и оно не останавливается в случае "надобности" перед кровопролитием. У каждого правительства есть "внутренние враги," которых оно ловит, бросает в тюрьмы или же в могилы. Правда, тут можно прикрыться ширмой законности и самообороны: внутренние враги дескать угрожают законному правительству, вот оно их и истребляет. Хорошо. Но как быть с диктатором Франко, которому Прошин частенько поет дифирамбы? Франко ведь восстал против законного правительства, к власти он пришел через горы трупов. Это, однако, не мешает Прошину возносить хвалы всевышнему за то, что в Мадриде царствует Франко, а не те, против кого он воевал.

Странная логика у Прошина: если Франко проливает кровь — хорошо, а если кто-нибудь другой только говорит о возможности пролития крови — это ужас. Ни Бакунин, ни тем более Кропоткин ничьей крови не проливали, но тем менее они в изображении Прошина, какие то страшилища, "гиены огненные." А вот Франко, тысячи людей загубивший, растоптавший то, что называется законность — ангел-спаситель. Уж подлинно: — если мою жену уведут — плохо, а если я чужую уведу — хорошо.

Заседай сейчас в Москве правительство,

подобное Франко, и делай то, что делают большевики, Прошин палец о палец не ударил бы в защиту достоинства человека. Как ни отталкивающе действуют большевики, но читая писания Прошина, невольно приходится подумать: "пусть уж сидит Хрущев в Кремле, ибо если засядут там такие, как Прошин, то еще хуже будет." По части клеветы Прошин, несомненно, перещеголял всех, даже большевиков. То, что он приписал Кропоткину, — не припишет злейший враг анархизма.

Критика, несомненно, хорошая и нужная вещь, но критика и клевета — не одно и то же. Можно не соглашаться с Кропоткиным или Бакуниным, можно указывать, что в том или ином вопросе они ошибаются, но приписывать им разную чертовщину, изображать их в виде каких то извергов, радующихся, подобно горбуну Виктора Гюго, чужому горю, — это уже будет не критика, а обыкновенное обливание помоями. Кропоткина скорее можно упрекнуть в обратном: в чрезмерной идеализации всего, в том числе и человека. Никаких плохих сторон в человеке Кропоткин не видит. По его мнению, если бы не попечители — духовные и светские — извращающие психику человека, если бы люди были предоставленны самим себе, — то жизнь на земле текла бы мирно, красиво и счастливо. Известный лектор, педагог и общественный деятель И. Тартак на одной из своих лекций однажды заявил, что хотя Кропоткин революционер, даже крайний, но его никак нельзя представить в этой роли, ибо слишком много веры в доброту человека исходит со страныц его трудов. Это же подтверждают лица, лично знавшие Кропоткина. Все они говорят, что после беседы с Кропоткиным, хотелось стать лучше и добрее. Это никак не вяжется с прошинским "портретом" Кропоткина.

Напрасно Прошин приписывает головотяпство и Бакунину. Герцен, знавший Бакунина ближе и лучше чем Прошин, или же Алданов, утверждает, что такого незлобивого и доверчивого человека, как Бакунин, трудно было найти. В семейном кругу Герцена Бакунина в шутку называли "большая Лиза" — в отличие от маленькой Лизы — дочери Герцена. Эти две "Лизы" очень дружили и весьма были привязаны друг к другу.

Само собой понятно, что человек в семейном кругу и человек на общественной арене не всегда совпадают. Есть люди — ангелы в семейном кругу, а в общественной жизни — звери. К таким людям можно отнести, например, Ф. Дзержинского. Но Бакунин не был таким человеком. Никакой злобы к людям он не питал. Незлобивость и мягкость характера Бакунина подтверждает сам же Прошин. Основываясь все на том же романе Алданова, Прошин утверждает, что побегу Бакунина из Сибири способствовали — материально и морально — должностные лица вплоть до генерал-губернатора. Наивно было бы полагать, что на ответственных и весьма важных должностных местах сидели исключительно разини, не знавшие, что они делают. Если Бакунину действительно, было оказано содействие некоторыми высокопоставленными лицами, то это лишь доказывает, что Бакунин был достоин этого. Головорезу, каким Прошин пытается изобразить Бакунина, никто и копейки не дал бы. Бакунин, как и подобает революционеру, относился враждебно лишь к порядкам, которые он считал несправедливыми, но не к людям. В людях он, не в пример таким желчным персонам, как Сталин, не видел врагов. В известные минуты он даже Марксу руку пожимал.

***

"Лавры" Прошина, как видно, не дают покою некоему Шарки. (Тоже личность темная.) В статье "Рыцари черного знамени," напечатанной в одной из Сан-Францисских газет, Шарки обрушивается уже не на отдельных анархистов, а чуть ли не на все анархическое движение в России в период революции. Об этой статье нам еще придется говорить...

Лев Грозный

ПОПРАВКА

В сообщении о смерти А. Горелика, напечатанном в прошлом ном. "ДТП," сказано, что анархисты были высланы из СССР в 1923 г. Это — ошибка. Анархисты были высланы из СССР в конце 1921 года, а в 1923 г. А. Горелик был уже в Южной Америке.

Некролог, посвященный т. Горелику, будет напечатан в № 56 "ДТП."

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

ОБРАЩЕНИЕ К ТОВАРИЩУ

Ивану Платоновичу Каляеву (1877-1905), взявшему на себя роковую роль — привести в исполнение приговор, вынесенный подпольной Боевой Организацией великому князю Сергею Александровичу, не сразу удалось осуществить свою задачу. Два раза он приближался к карете великого князя и два раза отступал, ибо в карете, кроме князя, находились другие лица — его жена и дети. Лишь третий раз (на это ушло несколько дней), когда в карете, кроме князя, никого не было, Каляев бросил туда бомбу.

Жена Сергея Александровича, вследствие ли того, что Каляев пощадил ее, или же по другим мотивам — посетила Каляева в тюрьме вскорости после его ареста. Эта встреча по силе трагизма достойна кисти лучшего художника. Великая княгиня, сжимая руки бесстрашного революционера, все время плакала, повторяя: "Зачем? Неужели иначе нельзя было?"

Когда Каляев объяснил ей, что "иначе нельзя было," что правительство фактически в войне с народом и что во время войны обе стороны прибегают к помощи смертоносного оружия, княгиня, повидимому, согласилась с ним. "Как плохо, со вздохом сказала она, что иначе нельзя." Уходя, она подарила Каляеву иконку, заявив: "Буду молиться за вас."

Последнее было истолковано газетами в том смысле, что Каляев после ареста стал религиозным человеком, старающимся замолить свой грех. Был даже напечатан фото-снимок, изображавший Каляева целующим иконку, полученную от княгини.

Каляев, насколько мог, протестовал против этого. В своих письмах он утверждал, что полученную иконку никогда не целовал и никого не просил замаливать грехи, которых он за собой не считает.

Кроме частных писем, Каляев в это время, сидя в тюрьме в ожидании смертной казни, написал несколько стихотворений, одно из которых — "Обращение к товарищу" — (по поводу встречи и разговора с великой княгиней) ниже мы помещаем. Стихотворение это, помимо своего "оправдательного" характера перед товарищами по идее, важно еще по тому, что оно свидетельствует, что со смертью Каляева человечество потеряло не только отважного революционера, но и незаурядного поэта.

***

Товарищ, с мятежной, но чутной душой,
Соратник мой, друг и опора! —
К тебе обращаюсь пред смертью с тоской
И жду от тебя приговора.
Окончен мой путь и борьбы, и тревог,
Готов умереть я без страха.
Я счастлив сознаньем: я сделал, что мог,
Не страшны палач мне и плаха.
Меня не пугает и яд клеветы, —
Твой суд лишь порою тревожит:
Поймешь ли движенья души моей ты,
Иль слепо осудишь, быть может?
Но если невольным виновником я
Стал грусти твоей и смятенья, —
Прими ты признанье мое, как судья, —
Суди же мое прегрешенье.
За кровь и за слезы народа я мстил,
Всю жизнь мою нес без остатка.
Я громом лукавого змея убил, —
Победой окончилась схватка.
И хлынул вдруг чувств накипевших поток,
Встревоженный бурей душевной:
И радость, и ужас, и муки тревог
Слились в один крик полногневный.
И, верный обету борьбы, я в речах
Был дерзок и горд пред врагами,
Смеялся в лицо я им, видя их страх,
И мстил им насмешки словами.
Так счастья грозой в бурном сердце моем
Откликнулось мщения эхо.
Мой дух опъяняла восторга вином
Веселая чара успеха.
И чудилось мне, что в кругу я друзей,
Беседую с ними о бое
И радуюсь с ними, что в схватке моей
Погиб ОН ОДИН, — не ИХ ДВОЕ...
Вдруг женщина в черном, как призрак вошла.
"Жена я его..." — мне сказала...
И за руку крепко, присевши, взяла
И, глядя в лицо мне, рыдала...
И вспомнил я слезы, и эту печаль,
Я мать свою вспомнил родную,
Когда уходил я в безвестную даль,
Склонившись к ее поцелую...
От траура веяло скорбью могил,
В слезах ее чудилась рана...
И я не отринул ее, — пощадил
Рабыню из царского стана.
Клянусь, я достойно держался пред ней,
В словах моих не было лести:
Я дерзок был так же, как в схватке моей;
Берег мое знамя я чести.
Когда прошептала она мне: "Зачем?
Уже-ль нет другого исхода?"...
Я гневно ответил, что смерть будет всем,
Кто кровь проливает народа.
Но тайное чувство врывалось в мой дух;
Я видел ее пред собою,
И радость за жизнь ее высказал вслух.
Она встрепенулась душою
И молвила нервно: "Молюсь я за вас," —
Как будто хотела признаться,
Что мне благодарна невольно сейчас,
Что с жизнью ей трудно расстаться...
Она предо мною склонила чело,
В раздумьи вздохнула глубоко
И с грустью признала насилия зло
Пред силою карающей рока.
Я счастлив был счастьем заветного дня.
Она мне дала на прощанье
Иконку: "на память," — сказав, "от меня."

Я принял как символ признанья...
"Исполнил я долг свой," — сказал я ей вслед,—
"И все испытанья приму я.
"Я вынесу тяжесть всех горестных бед,
"Пойду умирать я, ликуя.
"Народу и нам объявили войну, —
"Мы приняли вызов холодный:
"Я тысячу жизней отдам, не одну:
"Россия должна быть свободной..."
Гроза пронеслась, но мой дух устоял,
Остался, как был, непокорным;
Из чувства глубин воссиял идеал,
Мысль блещет огнем благотворным...
Свобода всевластна, бессмертна она,
Владычица нового века.
Во мне, как в милльонах, она рождена
Страданьем живым человека.
Она не прощает тиранам обид
И, мощное чувств воплощенье,
Свой суд всенародный над ними творит,
Но знает пределы отмщенья.
Она презирает всю низость клевет,
Чиста пред корыстным расчетом,
И твой лишь, товарищ, пытает ответ,
Спокойная пред эшафотом...
Суди же, судья, бескорыстный мой грех,
Рожденный стремительным боем
И счастьем, венчающим яркий успех...
Товарищ, я не был героем.
Всю жизнь с человеком я сердцем страдал,
Я мстил за него возмущеньем
И радостей боя так долго я ждал,
С молитвенным их предвкушеньем.
Мечтательный ум мне природа дала,
Отвагу и пыл к порыванью...
Ах, ненависть в сердце так жизнь разожгла
И чуткость внушила к страданью.
Не трогай моих убеждений, судья:
Я верю великих завету.
Сын крови и горя народного я,
Я шел неизменно к рассвету...
И верю я твердо, в могилу сходя,
Что солнце любви золотое,
Кровавой зарею над миром взойдя,
Рассеет насилье людское.
То встанет рабочих несметная рать
Со знаменем ярким рассвета,
Чтоб на небе кровью свой клич начертать:
"Свободы нам, хлеба и света!"...
И, если не хватит испытанных сил,
Чтоб свергнуть насилия троны,
То мертвые встанут из братских могил
И двинут вперед легионы.
Пусть враг кровожадный, на пир свой спеша,
Мое изуродует тело.
Я счастлив: простора искала душа
В борьбе за народное дело.
Пусть недруг лукавый мой прах оскорбит,
Пусть друг побоится быть другом:
Свободный наследник мой грех мне простит
И честь мне воздаст по заслугам...

И. Каляев

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ!

Несколько слов о работе среди молодежи

Учение анархизма в общем и целом ставит своей задачей разрешение вопроса о взаимоотношениях личности и общества. Свободная личность в свободном обществе — таков должен быть ответ. Но для того, чтобы человек был свободен, необходимо воспитать его в таком духе. Для этого следует обратить некоторое внимание на юношество, следует подойти к молодежи.

Подход к молодежи должен быть строго продуман. Молодежь угнетена* физически и морально в семье, школе, на фабрике. Но, благодаря свойственной ей впечатлительности, она может легко проникнуться высокими порывами. Среди молодежи сторонник свободной идеи должен вербовать своих последователей. Как же подойти к ней? Нужно познакомиться с ее интересами. Новые веяния в искусстве, героические моменты творчества молодой фантазии — все должно быть учтено и использовано. Вместе с тем необходимо выяснить разницу между отношением к молодежи анархистов и любой политической партии.

Всякая партия зовет юношество на борьбу за ее дело, тогда как анархисты призывают его к свету, знанию, красоте и свободе. Абсолютно свободный человек в обществе таких же свободных и равных ему людей — это ли не идеал всякого юноши?

Павел Гар

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК

Не знает птичка наших бед,
Для песен ей везде свобода;
Спокоен розы пышный цвет,
И от заката до восхода,
И до конца с начала лет,
Себя любивая природа
Блистает дивной красотой
Средь жизни вечно молодой.

И без участия глядит
Как мимо с вечною тоскою,
Венцом страдальческим покрыт,
Дыша сердитою враждою,
Не выпуская меч и щит,
Окровавленой стопою,
Идет угрюм из века в век
Себя любивый человек.

Н. Огарев

---

* Не современная молодежь.—РЕД.

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

УМЕР А. ВЫШИНСКИЙ

В Балтиморе умер А. Вышинский (Павел Жук), десятки лет посвятивший служению делу безвластия. В следующем номере "ДТП" будет подробно описана жизнь и деятельность т. Вышинского.

ХОЗЕ ОЙТИСИКА

29 июня 1957 г. в Рио де Жайнеро умер от разрыва сердца Хозе Ойтисика. Анархическое движение понесло большую утрату, ибо умерший т. Ойтисика являлся весьма активным и в то же время кристально-честным защитником анархических идей. За 30 лет своей неутомимой деятельности он ничем себя не скомпрометировал.

Занимая профессорскую кафедру (филология) Ойтисика подвергал себя опасности тем, что он мог быть лишен в любое время своей работы. Но он эту опасность игнорировал. Он не скрывал своих убеждений. Открыто говорил, что школа станет школой в подлинном смысле этого слова только тогда, когда она займется **воспитанием человека,** а не **служением властям.** Власти, однако, терпели Ойтисика, ибо в некоторых областях он был незаменим. Особенным авторитетом он пользовался в области литературы. Его статьи по литературе (в которых он всегда проводил анархические принципы) печатались во многих газетах. Анархические печатные органы на португальском языке почти никогда не выходили без статьи Ойтисика. И статьи эти всегда являлись вполне заслуженной гордостью анархических органов.

Ойтисика написал несколько книг. Один его большой труд носит название: "Анархизм всем понятен." Ойтисика по примеру А. Беркмана и Э. Малатеста, излагает анархизм самыми простыми словами и приводит самые простые примеры. Первая часть "Анархизм всем понятен" переведена уже с португальского на испанский язык. Нужно надеяться, что скоро весь этот труд будет переведен и на другие языки.

Ойтисика придерживался кропотскинского направления. Он считал, что Кропоткин дал наиболее точные, ничем и никем не опровежимые, основы анархизма. Не у западно-европейских теоретиков, а у Кропоткина, а также отчасти у Бакунина, нужно искать, по мнению Ойтисика, ответов на все запросы, связанные с анархизмом.

М.

АЛЬБЕРТ ЯНСЕН

На 79 году своей жизни умер в Стокгольме известный шведский анархист Альберт Янсен, 22 года занимавший должность главного редактора в шведской анархо-синдикалистической газете "Арбетарен." Статьи Янсена, ежедневно появлявшиеся в выщеупомянутой газете, отличались живостью, ясностью и краткостью, и читались не только единомышленниками, но и идейными противниками. Янсен был также хорошим оратором. Его лекции всегда привлекали много публики.

Родился Янсен 28 июня 1879 г. Его отец был простым рабочим и не мог дать своим детям надлежащего образования. Только начальная школа была доступна мальчику Альберту, по окончании которой он уже должен был сам заботиться о хлебе насущном. Первым, что приглянулось Янсену, было сапожное дело, которое он хорошо изучил и тем мог зарабатывать себе на жизнь.

Писательский дар рано проявился в Янсене. Еще юношей он начал сотрудничать в социалистических органах и своими статьями обратил на себя внимание. В 1903 г. шведское социалистическое движение дало новую ветв: т. н. "Молодых социалистов," среди которых оказался и Янсен. Этот "Молодой социализм" через некоторое время вылился в мощное анархо-синдикалистическое движение, которое и сейчас в Швеции довольно сильно. Янсен был душой и мозгом нового движения.

В 1905 г. Швеция была охвачена шовинистическими настроениями по поводу отделения от нее Норвегии. Некоторые требовали объявления войны Норвегии. Янсен пером и словом протестовал против этого. Он доказывал, что Норвегия имеет такое же право на самостоятельность, как и Швеция. За это его судили — как "изменника" — и приговорили к каторжным работам сроком на один год.

По выходе из тюрьмы Янсен некоторое время жил в Норвегии. Здесь он вошел в местное рабочее движение и вскоре занял пост редактора еженедельной газеты "Прямое действие." Молодой, полный сил и энергии Янсен с большим увлечением начал писать на страницах "Прямого действия" то же, что он писал в Швеции и за что попал в тюрьму: против милитаризма и воинственного националзма. Норвежским властям это было так же не по душе, как и шведским властям, и они, в свою очередь, арестовали Янсена. Молодому энтузиасту не хотелось садиться вторично в тюрьму и он решил бежать в Англию. Побег оказался неудачным. Власти поймали Янсена на пароходе. По неизвестной причине в тюрьму его, однаково, не посадили, а выслали в Данию. Здесь Янсен тоже примкнул к синдикалистическому движению и в 1913 г. представлял это движение на рабочей конференции в Лондоне.

До 1922 г. Янсену приходилось вести "кочевой" образ жизни, т. е. переселяться из страны в страну. Побывал он за это время в Англии, Франции, Германии, Бельгии, Голландии, не говоря уж, конечно, о Норвегии, Дании и Швеции. Несмотря на то, что Янсен не имел систематического школьного образования, а являлся самоучкой, в полном смысле этого слова, но он владел почти всеми европейскими языками. Поэтому в какой бы стране он ни жил, он целиком уходил в рабочее движение.

В 1922 г. шведские синдикалисты решили издавать ежедневную газету. Как и следовало ожи-

дать, Янсен был приглашен на пост редактора. Сначала он заведывал только иностранным отделом, но с 1928 г. стал главным редактором "Арбетарен." На этом посту он пробыл до 1950 г., когда здоровье его пошатнулось и силы постепенно начали таять.

В последние годы он хотя и не принимал активного участия, но всегда давал ценные и важные советы. Со смертью Янсена международное рабочее движение потеряло самого преданного своего друга. **М.**

АЛЕКСЕЙ ДЕНИСОВИЧ ВЕЛЕНТЕЙЧИК (ДЕНИСОВ)

На ферме Детройтского Кооператива, 13 декабря 1957 года, в возрасте 76 лет, умер Алексей Денисович Велентейчик (Денисов) из деревни Ониповичи, Пружанского уезда, Гродненской губернии. В США он прибыл 18 января 1908 года и прожил здесь почти 50 лет с небольшим перерывом на поездку в СССР.

В расцвете сил, молодым человеком, А. Велентейчик очутился в Америке, вместе с устремившейся сюда волною бедноты из захолустных деревень и местечек Белоруссии. Крестьянское малоземелье, отсутствие заработков, нужда загнанного в черту оседлости скученного в местечках еврейского населения, гнали за океан тысячи людей в поисках труда, какой-то возможности к существованию.

Пятьдесят лет назад молодой американский капитализм обгонял одряхлевшую Европу, и американцы широко использовывали дешевый иммигрантский труд. Индустриализация страны производилась, главным образом, с помощью ручного труда (кирка, лопата, тачка, — машин было мало), преобладала потогонная система труда, тэйлоризм, т. е. доведенная до крайнего предела эксплоатация рабочего. Возникшая позднее конвейерная система фабричного производства еще более усилила интенсификацию труда: рабочий должен был поспевать за машиною — она заменила подгонялу-формана.

Условия жизни иммигрантов в это время были безотрадными: низкая заработная плата, отсутствие рабочих юнионов и каких бы то ни было видов социального обеспечения. Не было у рабочих тогда ни собственных домов, ни автомобилей, ни сбережений в банках, и нередко многие из них отправлялись на поиски работы пешком из города в город, или "зайцами" в товарных вагонах.

После обычных мытарств, А. Велентейчику удалось в 1908 г. устроиться на работу на вагоностроительном заводе в г. Микизрак, Па. Здесь он вступил в союз Индустриальных Рабочих Мира. У "индустриалистов" он получил первую закалку для своей будущей деятельности, осознал важность для рабочих организации: юнионов, различных экономических и культурных объединений. А для успешности любого коллективного предприятия требуются знания, умственное развитие не только руководителей, но и членов, его составляющих. Отсюда — необходимость учебы, самообразования. А. Велентейчик пристрастился к чтению, не расставался с книгою, газетою, журналом, и потом немало содействовал своими средствами изданию нужной для рабочих литературы. Издательские неудачи он остро переживал, и всегда готов был поддержать новую инициативу, чтобы рабочий всегда мог посредством печати защищать свои интересы.

В 1915 году А. Велентейчик жил уже в Детройте, и принимал активное участие в работе Союза Русских Рабочих — самой крупной в то время русской организации в США. Разразилась революция. Американское правительство Вильсона, привествовавшее приход к власти Временного Правительства А. Керенского, заняло, однако, враждебную позицию в отношении "Октября." Началась интервенция в Россию, полная блокада ее, воспрещение с нею всяких сношений. Отъезд в Россию всячески затруднялся. Попасть туда можно было только кружным путем — через Японию, Корею, Маньчжурию, Сибирь. Русские иммигранты, рвавшиеся к себе домой, протестовали на массовых митингах, устраивали уличные демонстрации, которые разгонялись конной полицией, а федеральные власти, по приказу генерального прокурора Палмера, приозводили налеты на русские организации. По всей стране прокатилась волна массовых облав и арестов. Арестованных избивали в охранках, наиболее активных сысылали в Россию...

Многие из детройтских союзовцев, озлобленные американской блокадой и преследованиями, сами уехали в Россию. В 1921 году в Ленинград уехал и А. Велентейчик. Один из детройтцев, обосновавшийся в Москве, в Отделе Труда, рассказывает: "Из разговора с приезжими из Ленинграда русскими американцами я узнал, что Денисов находится в Ленинграде. Мысленно я пожалел его: попал, мол, человек не туда, куда надо. Для темпераментного и впечатлительного Денисова было особенно тяжело переносить советскую, неприкрашенную действительность, о которую разбивались все наши прежние заокеанские представления. Обманутые в наших ожиданиях и разочарованные, мы прилагали все усилия к тому, чтобы опять вернуться в Америку... Семь месяцев в Москве, — замечает этот друг Денисова, — показались мне длиннее восьмилетнего пребывания в Америке..."

На тогдашние затруднения жаловался тоже вернувшийся в Россию П. А. Кропоткин: "Чтобы достать в Москве или здесь в Дмитрове фунт черного (ржаного) хлеба, — писал он Г. Брандесу, — необходимо заплатить от 25 до 30 р. за фунт. И даже за эту цену не легко достать! Это — голод со всеми последствиями... На Украине положение того хуже: не достанешь товаров ни за какую цену." Умиравший уже старик, по словам его зятя Бориса Лебедева, питался "кашей и картошкой" (см. Кропоткинский Интернациональный Сборник — Чикаго, 1931).

Крепкие гродненцы не пали духом, не поже-

лали умереть от ленинского голода. Из Минска удалось, подкупив советских пограничников, пробраться в захваченную поляками Белоруссию и на свою родину в Гродненскую губернию. Детройтские друзья прислали им шифскарты и в 1922 году оба странника снова очутились в Детройте.

"Вы думаете, — повествует тот-же друг Денисова, — что неудачи и советские приключения обескуражили и успокоили Денисова? Нисколько. Этот вулканический человек снова с головой отдается общественной работе..." В 1924 году А. Велентейчик — член Прогрессивного Общества, реорганизованного затем в 72-й Отдел РООВА. Он его председатель в течение шести лет. Отдел превращается в солидную организацию в Детройте. Как член Русско-Американского Гражданского Клуба, Просветительной Комиссии и Русского Кооперативного Общества, А. Велентейчик много сделал для успешнего развития этих организаций. Немало вложил он средств и труда на издание рабочей печати безвластнического направления ("Волна," "Американские Известия," "Пробуждение" и др.).

В 65-летнем возрасте А. Велентейчик вышел на пенсию и поселился на кооперативной ферме. Здесь он сочетал отдых на лоне природы с хозяйственными занятиями (выращивал кур, поросят, телят и т. д.), но постигший частичный паралич правой стороны тела превратил его в глухого и полуслепого инвалида, лишив почти всякой трудоспособности. Необычайная природная крепость организма много лет еще боролась с прогрессировавшим параличем, и хотя жизнь его превратилась в безрадостное прозябание, но неугомонный А. Велентейчик не сдавался и в письме за два дня до смерти, жалуясь на зимнюю скуку на ферме, мечтал о приходе весны, об оживлении природы, о радостях летней дачной жизни.

Мечты на этот раз обманули нашего неисправимого оптимиста, и он навсегда расстался со своими многочисленными друзьями в Детройте и в других городах, оставив после себя память не только как об энергичном общественном работнике, но и человеке отзывчивом, доброжелательном и сердечном.

Земляк

ВМЕСТО ВЕНКА НА МОГИЛУ

13 ноября 1957 г. в Детройте скончался от рака желудка ВАРФОЛОМЕЙ (Морфей) ГРОМИКОВ. Значительную часть своей жизни покойный посвятил общест. работе. Интересы общества он ставил выше своих личных дел. Работал он везде честно и добросовестно. Болезнь незаметно подкрадывалась... Года четыре назад он подвергся операции, прошедшей благополучно. Казалось, беда миновала, Громиков опять включился в работу. Увы, пораженные клеточки где-то остались; болезнь опять развилась и, несмотря на вторичную операцию, свела Громикова в могилу.

Покойный принадлежал к нескольким организациям: к Профсоюзу, Кооперативному О-ву, 72 отделу РООВА, О-ву русского дома, Балалаечному оркестру. В некоторых организациях он занимал ответственные должности. В балалаечном оркестре заведывал хозяйственной частью и был очень предан своему делу. Он заботился об оркестре не меньше, чем о своей семье. Три поколения сменилось в оркестре, а Громиков все стоял на своем посту. Лишь за несколько недель перед смертью он писал об оркестре, — в самых лучших выражениях, — в роовском журнале.

В Кооперативном О-ве он занимал должность протокольного секретаря. Быть секретарем в Кооперативном О-ве — нужно иметь крепкие нервы и нечеловеческую выносливость. На собрание приходят люди с большими амбициями, каждому хочется прослыть Демосфеном, несмотря на то, что некоторые из них не могут логически связать 2-3 слов, если не считать, конечно, таких выражений, которых не принято произносить в печати. Громиков должен был все эти "речи" формулировать, придать им какой-то толк и смысл.

В Профсоюзе Громиков работал с самого основания этой организации. А организовался Профсоюз вскорости же после пальмеровских погромов. В то время считалось позором не примыкать к какой-либо радикальной организации. Точно также считалось позором идти в кабак или в церковь. Оба эти заведения в то время пустовали. Такие люди, как Громиков, туда не шли.

Приехал Громиков в США, как и большинство из нас, почти без всякого образования. Но, живя здесь и принадлежа к радикальным организациям, он путем самообразования значительно пополнил свои знания.

Родился Варфоломей Громиков 25 августа 1890 г. в селе Кадиевцы, Подольской губ. Родители — малоземельные крестьяне. Если родители страдали от малоземелья, то детям нечего было и думать о том, чтобы оставаться в деревне. Нужно было куда то подаваться... Началась эмиграция в Америку; влился и Громиков в этот широкий поток. По приезде в эту страну он, как и большинство приехавших сюда деревенских парней, выполнял самую тяжелую работу и получал самое мизерное жалованье. Молодость, однако, вынослива... Работая тяжело, Громиков постепенно овладевал языком страны, переехал в Детройт, где спрос на молодых и сильных людей в то время был большой. В Детройте Громиков, что называется, "причалил к берегу," нашел более-менее сносную работу, скопил немного денег, обзавелся домом, а потом и семьей. Как будто можно было жить, но... подкралась болезнь.

Жена Громикова — трудолюбивая и хорошая хозяйка, но — женщина религиозная. Иногда можно было наблюдать такую картину: в воскресенье Громиков отправляется на собрание атеистической организации, а жена — в церковь. На этой почве, как известно, часто возникают драмы. Но при жизни Громикова этого как будто не случилось, зато после его смерти произошла если не драма, то во всяком случае не совсем обычное явление: похоронили Громикова (конеч-

но, по требованию жены) по религиозному обряду. Поп ликовал, окропляя атеиста "святой" водой.

У Громикова было много друзей, поэтому похороны были весьма многолюдны. Пришел и Балалаечный оркестр с инструментами, чтобы отдать последнее "прости." Священнослужитель, однако, под предлогом "греха" запретил сыграть любимый покойным марш. Так, уже после смерти над Громиковым было учинено насилие. Некультурному священнослужителю, по всей вероятности, неизвестно, что молиться можно не только без музыки, но и с музыкой. Сам Давид славил Бога на музыкальных инструментах.

Жаль, что никто из единомышленников не заступился за покойного. Позволили надругаться... Сам покойный уже не мог протестовать.

Спи же, наш друг, мирно. Память о тебе будет долго жить.

Ф. Коваленко

СМЕРТЬ В. КУЛЯ

26 октября 1957 года умер В. Куль, когда то принимавший весьма деятельное участие в анархическом движении. В последние годы Куль от анархизма отошел и всецело посвятил себя работе в рядах РООВА.

СТАРЫЙ ГОРОД

Осеннее небо... и дождь моросит,—
Ужели земля не промокла?
Лоснится по утру холодный гранит
И плачут оконные стекла.
А сердце немеет и нечем дышать,
И только фабричные трубы
Пытаются небу о чем-то сказать,
Подняв почернелые губы.

Б. Верхоустинский

СЪЕЗД В МОНТЕВИДЕО

В начале ноября прошлого года в Монтевидео состоялся Съезд анархистов, продолжавшийся три дня. Надеемся, что ко времени выхода следующего номера "ДТП" будут получены полные отчеты о ходе заседаний съезда.

Всякое правительство стремится стать единоличным; таковы его происхождение и сущность. Избран-ли парламент путем всеобщей подачи голосов или нет, будет-ли он состоять исключительно из рабочих, — он одинаково будет стремиться подчиниться одному лицу и передать ему все заботы о правлении. Пока мы будем поручать решение всех вопросов небольшой группе, она, подобно отряду солдат во время похода, будет стремиться найти себе начальника. **П. Кропоткин**

ХРОНИКА

У испанских синдикалистов за границей

15-18 августа 1957 г. в Тулузе (Франция) состоялся съезд Испанской Конфедерации Труда (за границей). Как известно, после неудачной гражданской войны, тысячи испанцев бежали во Францию. Они принимают участие во французском рабочем движении, и в то же время имеют свои испанские организации, где обсуждаются специфические испанские проблемы.

Организованы испанцы по районам. Вот эти районы и послали делегатов в Тулузу. Съехавшиеся делегаты выслушали сообщение из Испании присланное Национальным Комитетом, действующим нелегально. Испанская Конфедерация Труда имеет также заграничную делегацию, тоже присутствовавшую на съезде. Рамон Лиярте, секретарь этой делегации, сделал доклад о своей работе. Х. Кортес сообщил о деятельности испанцев в Мексике и в других южно-американских странах. Были, конечно, отчеты и от представителей районов.

Много времени было уделено обсуждению вопросов, связанных с положением в Испании. Особенно подробно обсуждался вопрос о том, какое место должна занять Конфедерация Труда по отношению к другим антифашистским организациям. Много также внимания было уделено вопросу о конспиративной работе в Испании и о том, как помочь оставшимся в Испании борцам.

Съезд принял несколько соответствующих резолюций, но они пока что еще не получены здесь, в США. Надеемся, что в следующем номере "ДТП" удастся их опубликовать.

Представители Каталонии имели свое специальное заседание, на котором, после обсуждения организационных вопросов, были избраны должностные лица на следующие два года.

Съезд закончился массовым митингом, на котором с речами выступали, кроме испанцев, представители синдикалистов из других стран, специально прибывшие в Тулузу ради этого события. Большую речь произнес Л. Мерсиер (Франция). Говорил также Альберт Ди Юонг (Голландия) и Г. Рудигер (Швеция).

Все говорившие обещали всемерную помощь испанским товарищам в их борьбе против Франко.

М.

ПЫТКИ НАД АНАРХИСТАМИ В ПОРТУГАЛИИ

Маленький диктатор Салазар не уступает большим диктаторам в смысле жестокостей. Он приказывает своим приспешникам подвергать жестоким пыткам тех, кто неодобрительно отзывается о нынешних порядках Португалии. Лишь недавно стало известно, что анархист Джоахим Лемос Оливера был арестован в конце января 1957 г., а 14 февраля родные арестованного были оповещены о смерти Лемоса в тюрьме. Власти,

конечно, не указали причины смерти, но всем было ясно, что это — результат пыток.

Эта печальная весть быстро облетела весь город (Опорто). В день похорон замученного власти, боясь демонстрации, установили при входе на кладбище пулеметы. Похоронная процессия сопровождалась большим нарядом полиции. "Куда вы его везете, — в тюрьму или на кладбище?"— спрашивали у полицейских.

Через несколько дней был арестован другой анархист, Манюэль Финца Жуньор. "Вина" его состояла в том, что он распространял листовку, в которой говорилось каким пыткам подвергался Лемос и как эти пытки свели его в могилу.

Финца тоже был подвергнут пыткам. В виду преклонного возраста (70 лет) Финца продержался всего лишь четыре дня. Похоронили его рядом с Лемосом под "охраной" все тех же пулеметов.

Небольшая страна Португалия хоть чем нибудь отличается: хоронит анархистов под охраной пулеметов.

Отголоски юбилея Сакко-Ванцетти

Как и следовало ожидать, большевики не обошли молчанием 30-ю годовщину казни Сакко и Ванцетти. Чуть ли не целые газетные подвалы были посвящены этому печальному событию. За добрую память, конечно, надо бы сказать большевикам спасибо, но... поговорка—"бойтесь даров Данайцев" неразрывно связана со всеми дейсвтиями большевиков. Начав за здравие, они неизменно кончают за упокой. Сакко и Ванцетти, конечно, жертвы капитализма, но кто они такие, какие их убеждения, — об этом ни слова на страницах большевистской печати. Если же и есть что-нибудь о том, за что погибли Сакко и Ванцетти, то все это сводится к таким трафаретам, как "борцы за рабочий класс," "защитники трудящихся," "сознательные пролитарии" и т. д. Только что не хватает: "защитники СССР," но подобный вывод сам собой напрашивается из писаний большевиков. Как ни печально, но в некоторых буржуазных кругах именно такими и представляют Сакко и Ванцетти. Так, например, газета "Йоркшайр Ивнинг Пост," издающаяся в Англии в ном. от 23 августа 1957 г. авторитетно заявляет, что Сакко и Ванцетти были казнены за то, что открыто проповедывали большевизм.

Как видно, крокодиловые слезы большевиков не остаются без результата.

* * *

В день 30-летия казни Сакко и Ванцетти губернатор шт. Массачузеттс и мэр Бостона получили петицию от некоторых организаций и частных лиц, в которой говорится, что уже настало время признать дело Сакко и Ванцетти таким же необоснованным и предрассудочным, каким признаны процессы салемских ведьм. Одновременно возобновились ходатайства о разрешении поставить в городской законодательной палате бюст Сакко-Ванцетти работы скульптора Гутзона Борклума. На бюсте выгравированы слова Ванцетты: "Если наше дело будет оценено по достоинству, то наша смерть не окажется напрасной."

Чаплин—анархист?

Последний фильм Чаплина "Король в Нью Иорке" вызвал много толков. Коммунистическая пропаганда — говорят одни. (В буржуазной прессе большевизм, как известно, именуется коммунизмом.) Клевета на Америку — утверждают другие. Холостые выстрелы — доказывают третьи.

Чтобы выяснить все это, лондонская газета "Обсервер" комнадировала своего корреспондента в Швейцарию для личной беседы с Чаплиным.

Прежде всего, Чаплин заявил, что "Король в Нью-Иорке" сатира, а не политический шарж. Мое призвание, продолжал Чаплин, веселить зрителей, а не начинять их политической начинкой. Но если уж нельзя обойтись без политики, то — политически — я анархист, противник какого бы то ни было правительства.

Подобные заявления Чаплин высказывал и прежде, но, кажется, ничем их не подтвердил.

Герой фильма, король Шадов (Чаплин), теряет трон, но, имея деньги, переселяется в Нью Иорк и открывает коммерческое дело. Дело процветает. Бывший монарх приобретает в деловых кругах много знакомых, среди которых оказываются и бывшие большевики. (Везде есть "бывшие.") Связь с бывшими большевиками дает повод комиссии по безопасности государства призвать бывшего короля к допросу. Начинаются осложнения...

Анархические мысли, однако, высказывает не герой фильма (было бы забавно, если бы король стал анахистом), а ученик прогрессивной школы, Руперт Макаби (сын Чаплина.) Шадов, осматривая школу, обращает внимание на интереснюго мальчика и спрашивает, что он читает.

— "Капитал" Карла Маркса,—отвечает школьник. (Интересно, сколько школьнику лет?)

— Надеюсь, вы не коммунист, — продолжает б. король.

— Разве обязательно быть коммунистом, чтобы читать Маркса, — отвечает мальчуган.

— Вполне законный ответ. Однако, какие же ваши политические взгляды? (Это к школьнику?)

— Я против политики. Я не люблю никакого правительства.

— Но кто-то должен же управлять...

— Мне ненавистно слово "управлять."

— Хорошо, поправил б. монарх, если вам не нравится слово "управлять," заменим его словом "предводительствовать" или же "руководить."

Тут маленький Руперт читает б. королю целую лекцию о том, что такое политическое руководство и заканчивает вопросом:

— Разве в этой стране (т. е. в США) есть свобода слова?

— Нет, отвечает б. венценосец и в свою очередь хочет читать лекцию о том, что в США нет свободы слова, но в это время падает занавес.

Шадов успевает лишь сказать:

— Так не может продолжаться...

Будем надеяться, что, в самом деле, так не будет продолжаться, что Чаплин, действительно, станет анархистом и посвятит себя всецело служению великому идеалу.

Почти анекдот

Анархистам всего мира известно, что в Чикаго, на Валдгаймском кладбище, на том месте, где похоронены казненные 11 ноября 1887 г. пять анархистов, поставлен замечательный памятник. Известно также, что памятник этот поставлен Федерацией Труда шт. Иллиной, входящей в состав Американской Федерации Труда. Каждый анархист, если ему случается быть в Чикаго, считает своим долгом побывать у этого памятника. Стоял там когда то в задумчивой позе Кропоткин, стоял Малатеста, стояли и другие анархисты, приезжавшие из-заграницы в Соединенные Штаты.

Не так давно остановились проездом в Чикаго несколько анархистов из Южно-Американских стран. Естественно — им хотелось взглянуть на памятник. Незнакомые с городом, они обратились к помощи телефонной книги, в которой нашли адрес конторы АФТ. Зная, что памятник поставлен АФТ, они смело отправились туда, в надежде получить там нужные справки и указания, как попасть на Валдгаймское кладбище. В конторе их приняли важливо и с готовностью начертили маршрут к месту памятника. Прибыв в указанное место, южно-американские товарищи были больше чем ошеломлены: там, действительно, оказался памятник, но не погибшим анархистам, а погибшим... полицейским во время взрыва бомбы на Сенной площади. (До недавнего времени памятник этот находился в небольшом чикагском парке — Юнион сквер. Недавно распоряжением городских властей он был перенесен на то место, где находилась Сенная площадь — на ул. Рэндолф возле реки.)

Оказывается, теперешний состав конторы АФТ — если не весь, то частично — не помнит родства: не знает, что его предки поставили памятник не в честь погибших полицейских, а в честь погибших анархистов.

АЛЬТРУИСТЫ РАБОТАЮТ

В такой стране, как США, где все основано на долларе, альтруистические начанания, казалось бы, заранее обречены на неудачу. Тем не менее основанный несколько лет назад по инициативе П. А. Сорокина Харвардский Исследовательский Институт по изучению конструктивного альтруизма продолжает расширять свою деятельность. Недавно Институт реорганизовался. Дано новое название: Международное Общество по Изучению Творческого Аальтруизма. Комитет Общества состоит из ряда ученых, писателей, крупных предпринимателей и гос. деятелей. Некоторые из них возглавляют также другие научные и педагогические организации. Насущной потребностью общества в настоящее время считается: иметь свой периодический орган.

Не так давно общество успешно провело свой съезд, продолжавшийся два дня. Присутствовало около 1000 человек, разных национальностей с разными взглядами на жизнь. Свыше 20 человек сменили друг друга на эстраде и поделились со слушателями результатами своих изысканий в области альтруизма. Их доклады выйдут отдельной книгой в издательстве Харпер Бродерс. Все выступавшие на съезде — люди ученые, с профессорскими званиями. Имена многих из них известны далеко за пределами этой страны.

ЮБИЛЕЙНЫЙ НОМ. "ЛА ПРОТЕСТА"

Юбилейный номер "Ла Протеста" (60 лет существования) вышел в размере 60 страниц большого формата с иллюстрациями. Начинается ном. приветственной статьей Р. Рокера.

"Македония"

Так называется небольшая земледельческая колония, расположенная в штате Джорджия недалеко от города Кларксвилль.

"Македония" была основана в середине тридцатых годов лицами, старавшимися найти выход из безвыходного положения — безработицы. С тех пор колония несколько раз реорганизовывалась, как в смысле изменения устава, так и в смысле изменения членского состава. Последняя реорганизация произошла в 1953 г., когда значительная часть поселенцев оставила "Македонию" и присоединилась к создавшейся в то время в шт. Нью Иорк (возле Рифтона) обширной колонии "Брудергоф," т. е. всеобщего братства.

Сейчас в "Македонии" находится 11 мужчин, 12 женщин и свыше 20 детей (21). Главное занятие колонии — молочное хозяйство (около 30 коров). Кроме молочного хозяйства, некоторые члены общины занимаются выделкой деревянных изделий, находящих сбыт в школах и молитвенных домах.

Формально хозяйство ведется на кооперативных началах, но фактически в основе лежит коммунизм (не большевистский, а настоящий), ибо члены общины получают не "полный продукт труда," а "по потребностям." Кто в чем больше нуждается, тот в первую очередь то и получает.

Община располагает свыше 700 акрами земли, значительная часть которой все еще находится под лесом.

Так как в "Македонии" живут только белые, то общине не приходится переживать той трагедии, которую переживает другая, сродняя ей (но более обширная) община в том же штате — "Койнония."

Американский писатель и педагог Вильям Зьюк, проживший в "Македонии" около двух месяцев, в восхищении от порядков колонии, но производство и продуктивность труда, по его мнению, все еще не поставлены на должную высоту.

По последним сведениям, члены колонии "Македония" на своем сентябрьском собрании решили присоединиться к "Брудергоф."

Жить по-анархически

Ричард Керн, живущий в Бруклине, Н. И., поместил в лондонской "Фридом" (№ 42) письмо, в котором советует анархистам начинать сейчас же, не дожидаясь революции или социального переворота, жить по-анархически. По мнению Керна, это вполне возможная вещь. Нужно начинать с малого — с домашнего объединения — а затем, постепенно, расширять дело вплоть до настоящего коллективного производства.

Анархистам нет никакого смысла, по мнению Керна, снимать квартиры порознь. Это можно делать сообща — группами по 5 или же 10 человек. Во-первых, так будет экономнее, во-вторых, утвердится навык совместной жизни.

В каждом общежитии должен быть специальный ящик или же шкаф с надписью:

"Положи — что имеешь,
Возьми — в чем нуждаешься."

Отношения в общежитии должны быть чисто анархические: полное равенство, никаких денежных расчетов, никакой частной собственности. Все — общее.

Члены общежития могут заниматься совместным производством тех или иных предметов, но могут (если пожелают) работать и на стороне. Но, как произведенные собственными силами предметы, так и получаемая на стороне заработная плата, должны считаться общим достоянием. Все должно идти на общую пользу.

Для тех, кто этим заинтересуется, Керн дает свой адрес. Вот его адрес:

Richard Kern
79 Douglas St.
Brooklyn 31, N. Y.

КОМИТЕТ ПОМОЩИ ИСПАНСКИМ БЕЖЕНЦАМ

Несколько лет назад в Нью Иорке организовался комитет помощи испанским беженцам, успевшим уже отправить в Европу разного продовольствия больше чем на 115,000 долл. Комитет возглавляет известный виолончелист Пабло Касаля и бывший мексиканский президент Лазаро Карденас. Адрес комитета:

Spanish Refugee Aid, Inc.
80 E. 11th St.
New York 3, N. Y.

Когда капиталистам угрожает хоть малейшая опасность со стороны восставшего народа, тогда представительное правительство, этот орган господства капитала, показывает свою силу. Оно избивает восставших с таким спокойствием, с такой жестокостью и подлостью, на которые не способен ни один деспот. **П. Кропоткин**

БИБЛИОГРАФИЯ

М. ВИШНЯК: "Современные Записки." (Воспоминания редактора.) Изд. университета шт. Индиана, 1957. Стр. 334. Ц. $4.00.

В этой книге рассказана история возникновения и существования на протяжении 20-летнего периода самого толстого и самого солидного в русской эмиграции журнала. Как правило "Современные Записки" могли существовать только благодаря помощи со стороны одного новоорганизовавшегося государства. Самоокупаемость — немыслимая вещь в условиях русской эмиграции. Самоокупаемость возможна лишь там, где дело поставлено на чисто коммерческую ногу, т. е. где принимаются и печатаются платные объявления. "Современ. Записки" не были коммерческим журналом. Это был политический орган под сенью искусства и науки. Его основной задачей стояло — борьба с большевиками.

Последний номер "С. З." (70) вышел незадолго перед вторжением гитлеровских полчищ во Францию. При Гитлере выход "С. З.", конечно, был немыслим — и по политическим соображениям и потому, что оборвалась помощь извне. Возможно, однако, что "С. З." прекратилы бы существование и без Гитлера, в силу возникшего среди издателей раскола. Начали выходить "С. З." без своего "лица" — не в политическом смысле, а в философском. Никакой "школы," никакого "течения" не было. Единственной вывеской служила "Культура," за которой одинаково могли укрыться монархисты и демократы, верующие и атеисты. Постепенно, однако, издатели (сначала их было пять человек — Авксентьев, Бунаков, Вишняк, Гуковский и Руднев, — а потом, после трагической гибели Гуковского, осталось четыре) начали проникаться желанием иметь свое мировоззрение. Роль коммивояжеров сыграли Степун, Флоровский, Федотов и др. мистики. "Современные Записки," эсеровский журнал, стал религиозно-мистическим. Вишняк и отчасти Авксентьев стали в оппозицию. Образовавшаяся трещина, несомненно, продолжала бы расщиряться. Обратили бы на это внимание, вероятно, и те, кто финансировал журнал. Так что приход Гитлера, по всей вероятности, лишь ускорил неизбежную развязку.

Не было гармонии, солидарности и согласованности и среди сотрудников "С. З." Каждый из них считал себя выше и лучше других. Каждый требовал лучшего внимания к себе и более почетного места в журнале. Одним словом, подтверждалось старое анекдотическое мнение, что где двое русских соберутся, там разногласий хоть отбавляй.

Хочется обратить внимание на один штрих, быть может и не имеющий прямого отношения к данной заметке. М. Вишняк, как и подобает мемуаристу, претендует, конечно, на объективность и беспристрастность. К сожалению, не везде он соблюдает эти благородные качества. Так, например, на стр. 148, коснувшись анархистов, он уподобил их безответственным и капризным личностям. Едва ли это можно назвать беспристрастием. Никто так много не говорит о личной ответственности, как

анархисты. Полная свобода, краеугольный камень анархизма, только и возможна на базе личной ответственности. Иначе получится не свобода, а произвол. Это у государственников личная ответственность не играет никакой роли (власть, дескать, обо всех заботится), но не у анархистов. Все то, что именуется законами, фактически безответственные действия законодателей. Последние, проводя тот или иной закон, не испрашивают на то разрешения у населения. Показалось им, что такой закон нужно провести — вот и проводят. Разве это не безответственность? Разве кто-нибудь поручал законодателям устанавливать, напр., налог в таком то и таком то размере?

М. Вишняк принадлежит к тем личностям, которые занимают "центр" в современном обществе. И вот странная вещь: у центристов почему то больше терпимости к противникам справа, чем к противникам слева. О монархистах, напр., Вишняк того не скажет, что он говорит об анархистах. Не свидетельствует ли это, что пока центристы имеют дело с противниками справа, истина остается на их стороне, когда же им приходится иметь дело с спротивниками слева, истина переходит на сторону последних? Только этим и можно объяснить предвзятое отношение Вишняка к анархистам. Он чувствует, что истина не на его стороне. **К.**

Н. КРАСНОВ (младший): "Незабываемое." Изд. "Рус. Жизнь," 1957. Стр. 340. Ц. $3.50.

Имя ген. Краснова, возглавлявшего белое движение в России многим известно. У Краснова был племянник — Николай, а у племянника — сын, — тоже Николай. Случилось так, что все три Краснова (был еще один Краснов — тоже племянник генерала) в момент капитуляции Гитлера находились в одной войсковой части (на стороне немцев), "добровольно" сдавшейся в плен англичанам в надежде, что англичане будут считать их **своими** военнопленными и никому не выдадут. Надежды не оправдались: англичане почти всех таких пленных выдали большевикам. Старших Красновых, как участников белого движения, большевики расстреляли, а младшого, как не принимавшего участия в белом движении, приговорили к каторжным работам сроком на 10 лет.

Когда Краснов (младший) отбыл каторгу, Сталина уже не было в живых. Началась еле уловимая "оттепель." В силу договора с правительствами других стран, большевики начали выпускать заграницу военнопленных. Краснов, как подданный другой державы (фактически Краснов родился в России во время гражданской войны, но был увезен оттуда, можно сказать, в пеленках; вырос он в Югославии, подданным которой и числился), тоже получил взоможность выехать из СССР. Очутившись заграницей, он немедленно же засел за приведение в порядок своих воспоминаний, в результате чего и явилось "Незабываемое."

Тюремная жизнь в СССР более-менее всем известна, так как об этом многие уже писали. Не будем, поэтому, останавливаться на этой стороне книги. Остановимся на том, чего Краснов коснулся, по всей вероятности, лишь мимоходом — на настроениях сов. молодежи. Говорить о сов. молодежи как о чем то одинаковом, конечно, нельзя. Молодежь, как и все население страны, **разноликая.** Есть плевелы, есть и пшеница. Есть в сов. тюрьмах и концентрационных лагерях "юрки" (уголовные преступники, состоящие в большинстве случаве из молодежи), но есть и студенты. "Юрки" — результат неправильного воспитания и неравномерного распределения экономических благ, студенты — результат политического неблагоустройства страны.

Вот что говорит Краснов о сов. молодежи:

"...Я не думаю, чтобы в любой другой стране, где масса развлечений, свободная и уютная жизнь, была такая тяга к самоусовершенствованию, как в СССР... Молодежь заботится обо всем. Она пылает лучшими стремлениями. Она борется с пьянством, с уголовщиной. Она следит за чистотой и гигиеной. Она читает, читает, читает. Посещает лекции научного характера. У русской молодежи растут большие и широкие крылья... Молодая Россия ищет новые, чистые, особо светлые пути. Ее не тянет заграница. Она верит и стремится к лучшему будущему для всего народа" (стр. 292).

Молодежь пылает лучшими стремлениями... Она ищет новые, чистые, особо светлые пути... Ее не тянет заграница, где масса развлечений... Что это значит? Это значит, что значительная часть молодежи охвачена такими же стремлениями, какими была охвачена молодежь в конце прошлого столетия, шедшая в народ. (Краснов это подчеркивает.) Это — идеалисты, в лучшем смысле этого слова. Личные блага не играют никакой роли. Цель, смысл и содержание жизни — общее благо. Молодежь грызет гранит науки не для того, чтобы потом на этом наживать капиталец, как это делается в буржуазных странах, а для того, чтобы отдать свои знания на благо всех.

Страна, имеющая такую молодежь — не погибшая страна. Растут широкие и большие крылья...

Пока эта молодежь находится под гипнозом, что нынешний уклад жизни СССР ведет к идеальному жизнеустройству—все считается "окей," как говорят американцы. Власть не прочь и попестовать такую молодежь. Но как только рассеивается туман, как только молодежь начинает видеть, что между теорией марксизма и практикой лежит глубокая пропасть — конфликт между молодежью и властью неизбежен. Будущее такой молодежи — Воркута. Тот факт, что в местах заключения много учащейся молодежи — яркий показатель, что между властью и молодежью конфликты часто происходят. Молодежь не приемлет нынешней власти.

Краснов по своим убеждениям, конечно, монархист. Но в его характеристике сов. молодежи нет ничего монархического. **"Новые, чистые, особо светлые пути"** — не монархизм, даже не демократия. Это — анархизм. **К.**

"НОВЫЙ ЖУРНАЛ"

Вышла 51-я книга "Нового Журнала" под редакцией М. М. Карповича. СОДЕРЖАНИЕ: **Г. Андреев** — День гнева. **Алексей Ремизов** — Плачужная канава. СТИХИ: **Георгия Иванова** — Дневник, **Олега Ильинского, Ирины Одоевцевой, Николая**

Туроверова, Екатерины Таубер, Лидии Алексеевой, Юрия Трубецкого, Николая Евсеева. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО: **М. Л. Гофман** — Проблема сумасшествия в творчестве Пушкина. **В. Александрова** — К сорокалетию советской литературы. **Зоя Юрьева** — Ремизов о Гоголе. **Р. Плетнев** — О методах изучения Достоевского. ВОСПОМИНАНИЯ и ДОКУМЕНТЫ: **А. Ярмолинский** — Есенин в Нью Иорке. **И. Церетели** — Накануне июльского восстания. **Ек. Кускова** — Давно минувшее. ПОЛИТИКА и КУЛЬТУРА — **К. Н. Давидов** — А. О. Ковалевский. **Д. Анин** — О советском бонапартизме. **Д. Иванцов** — Назад к сословному строю? **Ю. Денике** — Джилас о коммунизме. **Е. Пущина** — Женщина-работница в СССР. **К. Солнцев** — Граф Д. И. Милютин и его дневники. БИБЛИОГРАФИЯ... ПРИЛОЖЕНИЕ...

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ПИСЬМО ИЗ ДЕТРОЙТА

Ув. товарищи. Высылаем 190 долларов. Из них, за книги от С. Смирнова 15 д., от продажи № 54 "ДТП" 15 д., а остальные 160 долларов — пожертвования. Жертвовали следующие товарищи: М. Волынский 20 д., Д. Савчук 20 д., И. Панасевич 10 д., С. Скробот 10 д., Т. Шумович 10 д., И. Черный 10 д., Е. С. 5 д., И. К. 5 д., С. Дмитрук 5 д.

Получено от товарищей из других городов. **Юнгстон:** С. Медынич 20 д., П. Шумко 10 д., Ф. М. Марино 5 д., И. Бык 5 д., К. Р. 5 д., П. Вакульчик 3 д., В. С. 2 д. **Сан Франциско:** Н. Г. 10 д. **Майями:** Ф. П. К. 5 дол.

С глубоким прискорбием сообщаем о смерти в течение 1957 г. следующих товарищей: А. Денисова, М. Громикова, А. Кунко, П. Ришкела, И. Чебука, М. Лысака, В. Баринова и Д. Гуменюка. Все эти товарищи поддерживали морально и материально нашу прогрессивную печать, в особенности — Денисов, Громиков и Кунко.

"Не нужно гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучше почет: —
Шагайте без страха по тем же стезям,
Несите их знамя вперед!"

Сообщаем также, что с одним нашим старым работником на культурно-просветительной ниве, С. Скроботом, случилось несчастье: **потерял ногу.** От глубины души желаем ему выздоровления и благополучия на многие лета.

Несмотря на эти большие потери, мы все же полагаем, что у нас есть еще возможность для более интенсивной работы в смысле пропагандирования наших идей, равно как и для выяснения некоторых теоретических и практических вопросов. Что в первую очередь нам сейчас необходимо — сплоченность наших раздробленных сил. Учиться никогда не поздно! Будем же готовиться — морально и интеллектуально — к претворению в надлежащий час слов в дело. Будем подготовлять почву... Будем достойными пахарями и сеятелями наших идей — свободы, равенства и братства всех народов. **Профсоюз**

ОТ ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩЕГО

Спасибо за присланные журналы и газеты. Я два с половиной месяца пролежал в больнице. Вы даже не можете представить, что означает для человека, прикованного к больничной койке, печатное слово. Это — настоящий клад. Говорю без преувеличений.

Присланные Вами газеты и журналы очень и очень помогли мне скоротать время. К тому же много нового я почерпнул из них. Я родом из Одессы, знаком немного с анархизмом, но очень мало. Нужно еще много читать... О Махно и об анархическом идеале когда то я имел превратное понятие. Правду пословица говорит: век живи, век учись...

Хорошо, что хоть на склоне лет начинают приоткрываться глаза. Лучше поздно чем никогда.

Еще раз спасибо за присланное. **Ч.**
Бавария.

БРАЗИЛИЯ. — Ув. товарищи. Прежде всего должен сказать, что безвластническое движение в Бразилии и в других южно-американских странах со смертью Хозе Ойтисика, последовавшей 30 июня 1957 г., понесло большую утрату. Покойный, как всесторонне образованный человек, много способствовал популяризации анархизма. Он старался излагать анархические идеи так, чтобы всем, даже мало образованным, было понятно. Ойтисика написал несколько книг. Его статьи, печатавшиеся в редактировавшейся им газете "Прямое действие," всегда вызывали живой интерес.

О себе могу сказать лишь то, что живу я вдали от больших городов, занимаюсь земледелием. Активного участия в безвластническом движении из-за дальнего расстояния не могу принимать. Но моральную и материальную помощь всегда оказываю.

№ 54 "ДТП" еще не получил. Жду с нетерпением. **И. С.**

САН-ФРАНЦИСКО. — Ув. тт. С большим интересом прочел № 54 "ДТП." Есть в нем кое-что лишнее, но такого немного. Большинство статей — весьма интересные. **Г.**

МОНТРЕАЛ. — Ув. т. Ч. Спасибо за журнал. Статьи замечательные. Критика меткая и правильная. Мои личные дела незавидные. Хвораю. Очень холоду боюсь. Здоровье т. Р. тоже незавидное. Как видно, мало найдется вполне здоровых людей нашего возраста. Мне скоро стукнет 70 лет. Дожить до такого возраста одинокому холостяку, каковым я являюсь — что-то значит. Жизнь рабочего, вообще, тяжела, жизнь же холостяка — тем более. **Ш.**

ПРОСЬБА О ПОМОЩИ

Дорогой т. Ч.

По приезде в Канаду я нашел посланный Вами журнал "ДТП." Большое спасибо. Когда освоюсь, познакомлюсь с обстановкой и с окружающими людьми, то может быть мне удастся, как и в

Чили, заинтересовать кого-либо журналом и составить группу читателей. В Канаде ведь возможно при желании оказывать скромную помощь в фонд "ДТП."

Но это пока все в будущем. Остановился я с женой в одной казачьей семье, сейчас приходится рыскать в поисках какой либо работы. Сегодняшние условия в Канаде в смысле работы плохие. По рассказам старожилов существуют много безработных, но к весне дело изменится к лучшему.

У меня забота первым долгом обезпечить себя своим "углом," найти комнатушку, чтобы отсюда и делать вылазки и поиски работы. Жить долго у приютивших людей нельзя: большая семья и одна комната. Мы поместились на кухне...

Вот в этом смысле, я еще раз обращаюсь к Вам за помощью. Нельзя ли у кого либо сделать заем в 100 дол? Выплачивал бы частями, как только станем работать.

Помогите, Канада не Чили... Здесь есть возможность и для себя и для духовной работы среди окружающих.

Пока все. Спасибо Вам за память обо мне.

С тов. приветом

М. Фомичев

M. Fomicheff
c/o P. Suchenko
125 Oxford St.
Woodstock, Ont., Canada

Помощь журналу

Иджипт, Н. Дж.: С. Перчук 5 д. **Струтхерт, О.:** С. Медынич 10 д. **Чикаго, Илл.:** С. Качула 10 д., П. Бириков 5 д., М. Волков 8 д. 50 с. **Нелсон, Канада:** К. С. 4 д. **Акрон, О.:** И. Б. 5 д.,, Р. Бируков 5 д. **Кансас Сити, Канс.:** К. Горелик 20 д., С. Г. 10 д. **Хемстед, Н. И.:** В. Ра-ха 10 д. **Бриджпорт, Конн.:** Кордель 2 д. **Кливленд, О.:** Громыко 27 д., Д Х. 10 д. **Ватербури, Конн.:** Б-зух 10 д. **Калифорния:** Рыбин 5 д. **Галт, Канада:** Т. Можелский 10 д. **Винипег, Канада:** О. Довгалюк 2 д., Шумович 5 д. **Лос Анжелес:** Д. Атрик 10 д., Гр. Гаровей 3 д. **Нью Иорк:** Зеленюк 20 д. **Честер, Пен.:** Кревский 5 д. **Медисон, Илл.:** С. Туш-вич 5 д. **Бостон, Масс.:** А. Ги-к 3 д. **Нью Гейвен:** Кривошей 5 д., Бура 7 д., С. Дем. 5 д., Я. Л. Н. 5 д., И. И. К. 5 д., Степанович 2 д., Т. Я. 1 д., П. Г. 10 д. **Майями, Флор.:** М. Гришнер 5 д. **С. С. Мари, Кан.:** И. Бондар 5 д. **Интернешионал Фолс, Мин.:** Степовой 10 д. **Сант Луис, Мо.:** М. Хведченя 10 д., Шурхай 5 д. **Милтом, Н. Дж.:** Ф. Черновец 7 д. **Торонто, Кан.:** П. Пынев 5 д., А. Стаиочи 5 д. **Саут Лион, Мич.:** С. Кравец 5 д. **Винипег, Кан.:** О. Довгалюк 2 д. **Монтреал, Кан.:** В. Шехов 2 д. **Канада:** Издательство " Искра" 4 д. **Акрон, О:** Н. Н. 5 д.

За отсутствием места финансовый отчет будет напечатан в следующем номере "ДТП."

ПЕРИОДИКА

"Freedom"

Еженедельная анархическая газета на английском языке, издающаяся в Лондоне. Пробный номер высылается бесплатно. Адрес:

Freedom Press
27 Red Lion Street
London W. C. 1, England

●

"University Libertarian"

Анархический журнал для молодежи. Выходит три раза в год — на английском языке. Адрес:

13 Bannerman Ave.
Prestwich, Manchester
England

●

"Le Reveil Anarchiste—Il Risveglo Anarchico"

"Ежемесячный анархический журнал на французском и итальянском языках. Адрес:

44 Eaux—Vives
Geneva, Switzerland

●

"Views and Comments"

Анархический орган, издавающийся Либертарной Лигой в Нью Иорке. Почтовый адрес: Бакс 261, Купер Ста., Нью Иорк 3, Н. И. Собрания Лиги происходят каждую пятницу в помещении 813 Бродвей. Собрания посвящены собеседованиям и дискуссиям.

●

"Наш Путь"

Анархич. орган на болгарском языке. Адрес:

M. Marcel KOURORIEZ
36, Rue Poliveau, Paris (5)
France

●

"Черное Знамя"

Анархический орган на японском языке. Адрес:

●

"La Nigra Flago"
T. Soejima
1-26 Nisisinmachi
Hukuoka, Japan

●

"Catholic Worker"

Орган христианских анархистов (католиков)
223 Chrystie St., New York 2, N. Y.

●

"Liberation"

Ежемесячный журнал близкого анархизму направления. Адрес:

110 Christopher St.
New York 14, N. Y.

◆

Коммуна будущего не признает над собой никакой власти; она войдет в добровольное соглашение с другими коммунами и будет считаться исключительно с интересами федерации. **П. Кропоткин**